

ISSN 2520-2219

СОФРИЯ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

2022 № 1

Учредители:
БГУ, Фундаментальная библиотека БГУ, ОО «Союз женщин БГУ»

Руководитель проекта:
доктор филологических наук, председатель Совета ОО «Союз женщин БГУ»,
член Союза писателей Беларуси *И. В. Казакова*

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук *И. В. Казакова* – председатель (Беларусь);
д-р ист. наук *Т. А. Новгородский* – заместитель председателя (Беларусь);
д-р юрид. наук *В. Н. Бибилко* (Беларусь);
канд. хим. наук *Е. И. Василевская* (Беларусь);
д-р хим. наук *Т. Н. Воробьева* (Беларусь);
канд. филол. наук *О. А. Горбач* (Беларусь);
д-р экон. наук *Е. Л. Давыденко* (Беларусь);
д-р юрид. наук *Т. И. Довнар* (Беларусь);
д-р филол. наук *Л. Р. Дускаева* (Россия);
д-р филос. наук *Р. Иманжусип* (Казахстан);
д-р ист. наук *И. И. Калачева* (Беларусь);
д-р социол. наук *Е. А. Кечина* (Беларусь);
канд. пед. наук *Е. В. Колотова* (Россия);
д-р биол. наук *Л. В. Комлюк* (Беларусь);
д-р социол. наук *И. В. Котляров* (Беларусь);
д-р ист. наук *А. Г. Кохановский* (Беларусь);
д-р хим. наук *Н. В. Логинова* (Беларусь);
д-р биол. наук *Н. П. Максимова* (Беларусь);
канд. экон. наук *О. Ф. Малашенкова* (Беларусь);
д-р культурологии *В. Ф. Мартынов* (Беларусь);
д-р филол. наук *Ж. В. Некрашевич-Короткая* (Беларусь);
канд. пед. наук *С. Ю. Пащенко* (Украина);
канд. филол. наук *О. Г. Прокопчук* (Беларусь);
д-р филос. наук *Т. Г. Румянцева* (Беларусь);
канд. филол. наук *А. А. Скоропадская* (Россия);
д-р культурологии *В. П. Скороходов* (Беларусь);
д-р культурологии *А. И. Смолик* (Беларусь);
д-р ист. наук *С. Н. Ходин* (Беларусь);
канд. филол. наук *Чжан Хуншань* (Китай);
канд. филол. наук *Чэнь Ваньлэй* (Китай);
д-р филол. наук *Н. Г. Шаймердинова* (Казахстан);
д-р социол. наук *Б. А. Швагждиене* (Литва);
д-р гуманитар. наук *Р. Юрковский* (Польша);
д-р филол. наук *О. В. Яковлева* (Украина);
д-р филос. наук *Я. С. Яскевич* (Беларусь)

Редакция журнала:
Главный редактор *И. В. Казакова*
Заместитель главного редактора *В. Г. Кулаженко*
Ответственный редактор *Г. А. Фофанова*
Литературный редактор *М. И. Свистунова*
Технический редактор *О. Е. Гопиенко*
Ответственный секретарь *А. В. Бутина*

Журнал основан в 2016 г. Периодичность издания – 2 раза в год.
На русском и белорусском языке. ISSN 2520-2219
**Включен в библиографическую базу данных научных публикаций
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)**

*Содержание статей не всегда совпадает с точкой зрения редакции.
Ответственность за точность и правильность информации,
содержащейся в статьях, несут авторы публикаций*

Рецензенты номера:
доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народоведения
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси
А. В. Гурко;
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
истории белорусской литературы филологического факультета БГУ
Л. А. Гедимин;
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
социологии факультета философии и социальных наук БГУ
Т. В. Бурак;
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и организацион-
ной психологии факультета философии и социальных наук БГУ
Л. Г. Степанова

О. Е. Гопиенко

УДК 378+311:37

Кафедра коммуникативного дизайна, факультет социокультурных коммуникаций,
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье проанализирована статистика по уровню образования в мире и в Республике Беларусь. Выявлены основные тенденции и причины роста уровня образования, его взаимосвязи с различными аспектами развития общества.

Ключевые слова: высшее образование, цели образования, устойчивое развитие, рейтинг уровня образования, выпускники школ.

Образец цитирования: Гопиенко, О. Е. Повышение уровня образования – важный фактор успешности общества / О. Е. Гопиенко // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 3–8.

O. Gopienko

Department of Communication Design, Faculty of Socio-Cultural Communications,
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

RAISING THE LEVEL OF EDUCATION IS AN IMPORTANT FACTOR IN THE SUCCESS OF SOCIETY

The article analyzes statistics on the level of education in the world and in the Republic of Belarus. The main trends and reasons for the growth of the level of education, its relationship with various aspects of the development of society are revealed.

Keywords: higher education, education goals, sustainable development, educational level rating, school graduates.

For citation: Gopienko O. Raising the level of education is an important factor in the success of society. *Sophia*. 2022;1:3–8. Russian.

Автор:

**Ольга Евгеньевна
Гопиенко** – старший преподаватель кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций БГУ.
gopienko@bsu.by

Author:

Olga Gopienko – Senior Lecturer, Department of Communication Design, Faculty of Socio-Cultural Communications BSU.

Перед каждым государством стоят задачи, решение которых связано с развитием общества, с направлениями изменений и четким пониманием целей такого развития. Очевидно, что это – сфера прогнозирования ближайшего будущего, и он непосредственно затрагивает сферу подготовки кадров для разных областей производства и жизнедеятельности.

Сколько существуют учреждения высшего образования, столько же стоит и вопрос об их целесообразности и соответствии современным требованиям общества. В статье мы проанализируем известные данные рейтингов вузов разных стран мира. На основании результатов различных опросов, а также отчета *World Development Indicators 2016 Всемирного банка*, перед нами проявится вполне определенная общая картина положения образования в современном мире.

Генеральная Ассамблея ООН определила, что образование особенно важно для устойчивого развития человечества, и объявила о необходимости «обеспечения всеохватного и справедливого качественного образования и поощрения возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Был выработан ряд направлений по реализации плана, «позволяющего добиться востребованных и эффективных результатов обучения до 2030 года», – так называемая Цель 4 [5].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с 1996 г. проводит международные исследования, чтобы определить, в какой стране мира самый высокий уровень образования. В начале февраля 2018 г. ОЭСР был составлен новый топ-10 стран, наиболее продвинутых в этой области. Он основан на результатах исследований по определению среди населения количества граждан в возрасте от 25 до 64 лет, успешно окончивших вузы.

Обзор стран представляет участников рейтинга, начиная с 10-го места. Мы кратко остановимся на данных, касающихся пяти представителей нижней части пьедестала, и остановимся на лидерах, чтобы рассмотреть особенности их организации предоставления высшего образования.

Десятое место заняла маленькая страна Люксембург, далее по рейтингу идут Норвегия, Финляндия, Австралия и США. В этих странах уровень образованности составляет от 43 до 46 %, что является высоким показателем во всем мире. К месту будет упомянуть, что для повышения престижа и качества образования своих граждан эти страны выделяют немало средств. Например, о приоритетах общества Норвегии наглядно свидетельствует тот факт, что на образование в стране выделяется в три раза больше средств, чем на оборону.

На пятом месте находится Великобритания, где почти 46 % взрослого населения имеет высшее образование, большая часть – в области технических наук. Именно здесь проводятся 10 % мировых исследований, поэтому студенты английских вузов имеют доступ к уникальным базам данных и оборудованию. Не меньшее внимание уделяется гуманитарным специальностям – их выбирает около трети учащихся, а творческие организации приносят Великобритании 140 млн фунтов в год [2].

Четвертое место в рейтинге стран с наиболее образованным населением занимает Южная Корея – результат 46,86 %. Особенностью этого государства является наличие в нем четкой иерархии университетов: чем престижнее вуз, тем больше шансов на успешную карьеру. Наиболее уважаемыми считаются Сеульский национальный университет и Корейский ведущий научно-технический институт.

Третья позиция в рейтинге принадлежит Израилю. Почти половина взрослого населения страны имеет полное высшее образование. Всего в Израиле 9 вузов, обучение в них платное и стоит около 3 тыс. долл. в год. По сравнению с жителями других стран израильтяне оканчивают университет достаточно поздно – в 27 лет. Это связано с тем, что и парни, и девушки с достижением совершеннолетия призываются в армию и могут заниматься повышением образования только по окончании службы.

Второе место в рейтинге стран заняла Япония. Здесь практикуют строжайшие требования к абитуриентам, обучение в стране платное, и по статистике только 24 % студентов удается поступить с первого раза. Но, несмотря на все перечисленные трудности, высшее образование в Японии имеет 50,5 % взрослых граждан. В стране работают около 700 вузов, только 10 % из которых государственные, а год обучения в среднем стоит от 7 до 9 тыс. долл. Можно отметить следующие уникальные особенности японского образования:

- посещаемость студентов строго контролируется и оценивается баллами;
- в большинстве образовательных учреждений учебный год начинается в апреле;
- иностранцам для поступления в японский вуз недостаточно аттестата об окончании 11-летнего курса средней школы. Из-за того, что местные жители проводят в школе 12 лет, иностранцам приходится один год учиться в университете своей страны или на специальных подготовительных курсах в Японии;
- в японские вузы принимают только с 18 лет;
- для поступления абитуриент может выбрать только одно учебное заведение.

Самыми образованными в мире в 2017 г. стали граждане Канады с показателем 56,27 %. Вузы страны проводят обучение на английском и французском языках, а канадские сертификаты бакалавра и магистра высоко ценятся во всем мире. Высшее образование в стране платное, но благодаря большим инвестициям в грантовые системы талантливые студенты имеют возможность учиться бесплатно на непопулярных специальностях (химия, физика, биотехнология, психология). Высшее образование здесь стоит очень дорого – от 9 тыс. долл. за семестр, но несмотря на это сюда стремятся студенты из разных уголков земли. Канада – страна с самым высоким уровнем образования в мире, удерживаемым на протяжении последних трех лет, поэтому спрос на канадских выпускников с каждым годом увеличивается [2].

Перейдем к рассмотрению места нашей страны в данном обзоре по образованию. Обратимся к статистике. По данным Белстата, «белорусская нация стареющая, с высоким числом пенсионеров и низкой рождаемостью, сравнительно образованная, проживающая, по преимуществу в городах, занятая в сфере материального производства менее чем наполовину. По этим относительным признакам жители Беларуси мало отличаются от населения соседних государств. В Беларуси обеспечена практически 100 % грамотность населения старше 10 лет. Высшее образование имеют порядка 18 % граждан, еще 26 % – среднее специальное» [4].

Для сравнения приведем показатели по Российской Федерации. В 1989 г. высшее образование имели 11 % населения России. За последние 30 лет уровень высшего образования в России вырос почти втрое: по данным переписи населения 2010 г., окончили вуз 27 % россиян в возрасте от 25 до 64 лет, а в группе от 25 до 34 лет таких еще больше – 34 %. Это международная тенденция – в более молодых поколениях высшее образование получает все большее количество людей.

Наиболее впечатляют цифры, касающиеся социального неравенства. И как это ни удивительно, но этот пункт напрямую затрагивает систему образования многих стран постсоветского пространства. Неравенство, как правило, отражает различия в социально-экономических условиях, а также в качестве школьного преподавания. 84 % детей из семей, где оба родителя имеют высшее образование, также поступают в вузы. Среди детей, у которых родители без высшего образования, таких лишь 32 %. Выпускники гимназий и лицеев в два раза чаще оказываются в вузах, чем выпускники обычных школ. В целом наименьшие шансы поступить в вуз у юношей и девушек из семей с низким уровнем образования и дохода, из небольших городов и сельской местности. Впоследствии они будут наименее конкурентноспособны на рынке труда [1]. Интересным результатом «Регионального исследования в области образования в Центральной и Восточной Европе и Содружестве независимых государств» стал вывод о том, что на успешность в образовании учащегося огромное влияние оказывает уровень образования матери [6].

Исходя из вышеприведенных данных можно сделать вывод о тесной связи успешного роста образования (в частности, для Беларуси) с социальным статусом подростка, а не с выстроенной системой начального и среднего образования. Иначе говоря, опору для развития подрастающее поколение находит не в социуме, а в семье.

Соответственно, как мы видим, наилучшие показатели в области образования принадлежат самым экономически развитым странам мира. Эта связь понятий: «богатое общество – образованная нация» – не вызывает сомнения. Однако, как упоминалось ранее, во многих странах система образования являет большое неравенство в плане доступности, особенно в том, что касается охвата дошкольным образованием и посещаемости дошкольных учреждений, а также завершения базового образования [6]. И тут мы подходим к важной констатации того, что основы успешного высшего образования закладываются еще в школьное время. А если проанализировать вышеперечисленные данные, то становится очевидным, что и время дошкольного образования, и отношение к детям как возобновляемому национальному богатству, их встраиваемость в культуру страны с ее идеалами и отношениями, формирование этих идеалов являются отправной точкой для созидания качественного высшего образования. Для этого необходима грамотная система высокой мотивации в педагогической среде, основанная на развитии интеллектуальной атмосферы, укреплении профессиональной дисциплины и компетенции руководящих кадров. Например, низкий уровень зарплаты учителей не только негативно сказывается на их моральном состоянии и приверженности своему делу, но и приводит к трудностям с набором кадров, к коррупции, что наносит ущерб качеству образования. «Широкое распространение частного репетиторства – это реакция на низкие зарплаты и эрозию качества образования. Существует очевидная опасность утраты профессиональной этики, а в проигрыше оказываются семьи с низкими доходами, которым качественное частное репетиторство недоступно» [6].

Приведем данные по уровню образованности в мире. Как видно из графиков на рис. 1 и 2, в образовательном процессе существует прямая связь охвата детей дошкольного возраста и населения с высшим образованием в странах с разным уровнем дохода.

Для развивающихся стран «повышение уровня образования становится важным фактором экономического роста, сокращения отставания от более развитых стран и обеспечения экономического развития страны. Ориентир на повышение уровня

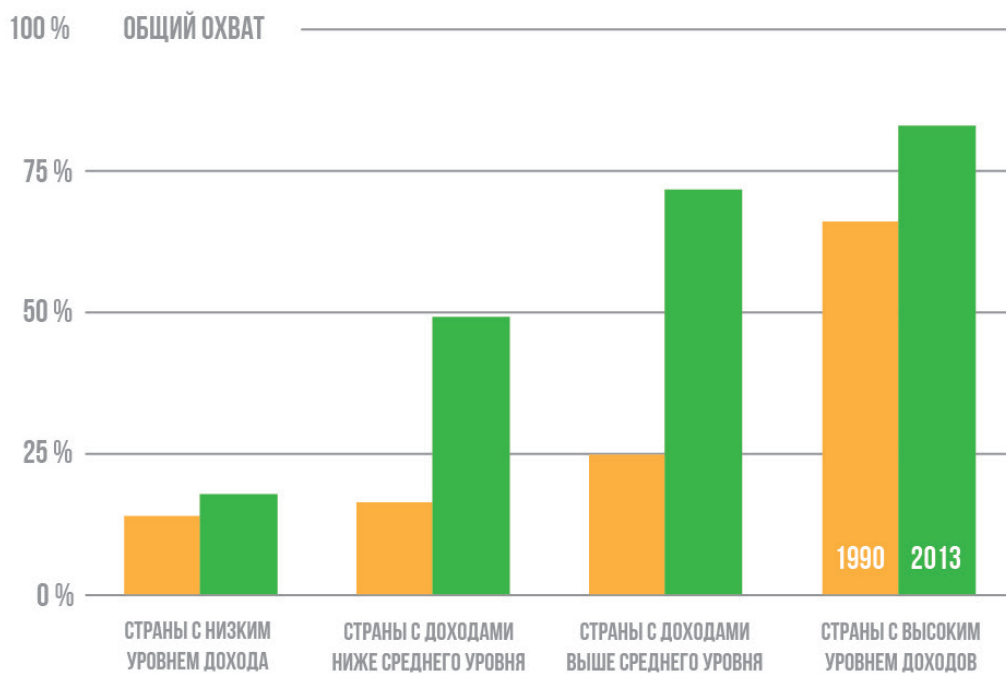

Рисунок 1. Доля посещающих дошкольные учебные учреждения

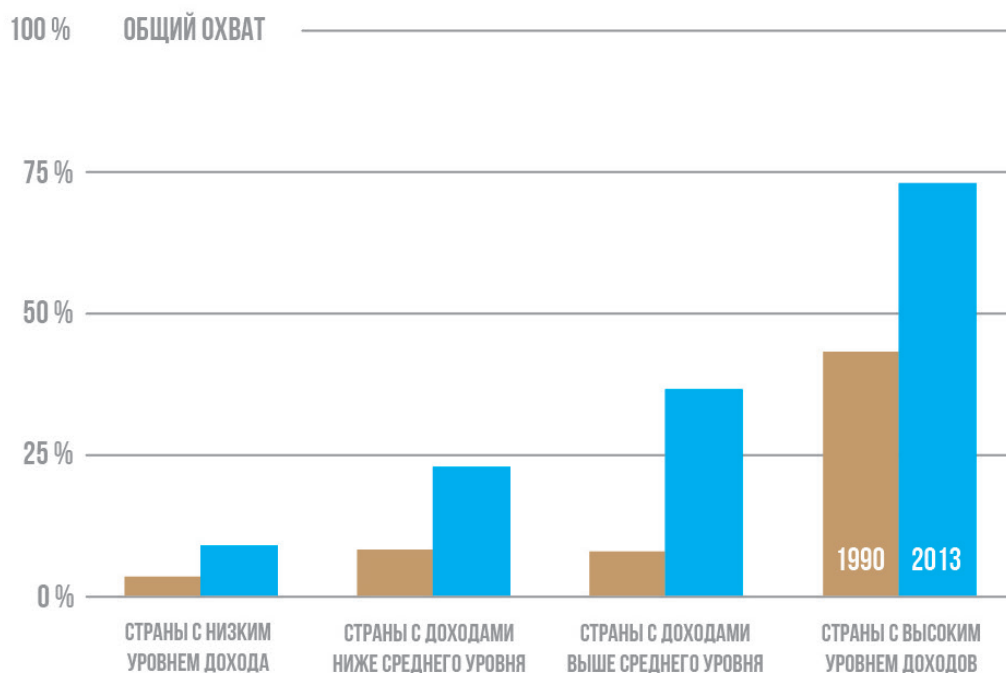

Рисунок 2. Доля получающих высшее образование

образования населения продиктован не только экономическими, но и социальными причинами: люди с высшим образованием пользуются спросом на рынке труда, среди них нет высокой безработицы, кроме того, люди с высшим образованием, как правило, более работоспособны, дольше живут, в меньшей степени склонны совершать преступления» [3]. Однако целью образования является не столько само образование, сколько люди, для которых и выстраивается система образования, – с учётом их образа и стиля жизни, отношениями, идеалами, устремлениями, культурой, формирующей из индивида личность на благо самой личности и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бессуднов, А. Р. Миф о всеобщем высшем образовании [Электронный ресурс] / А. Р. Бессуднов, Д. Ю. Куракин, В. М. Малик. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/10/737202-mif-o-vseobschem-visshem>. – Дата доступа: 11.10.2021.
2. Лунина, Е. Топ-10 самых образованных стран мира [Электронный ресурс] / Е. Лунина. – Режим доступа: <https://kuku.travel/article/top-10-samyx-obrazovannyx-stran-mira/>. – Дата доступа: 15.10.2021.
3. Мамонова, Е. Знания в приоритете [Электронный ресурс] / Е. Мамонова. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html>. – Дата доступа: 11.10.2021.
4. Население Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi>. – Дата доступа: 15.10.2021.
5. Уровень образования в мире: 57 миллионов детей не посещают школу [Электронный ресурс] // Информационная инициатива «TheWorldOnly». – Режим доступа: <https://theworldonly.org/uroven-obrazovaniya-mire/>. – Дата доступа: 12.10.2021.
6. UNICEF, 2007, Education for Some More than Others? Geneva: UNICEF Regional Office for Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States. Образование: одним больше, другим меньше? Региональное исследование в области образования в Центральной и Восточной Европе и Содружестве Независимых Государств (ЦВЕ/СНГ). Региональное отделение ЮНИСЕФ для ЦВЕ/СНГ. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://citationhall.ru/history/uroven-obrazovaniya-v-stranah-sng-dinamika-obrazovanie-v-stranah-byvshego-sssr/>. – Дата доступа: 19.10.2021.

В. Н. Кухта¹, Г. А. Фофанова²

УДК 316.6

¹Кафедра философии культуры, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

²Главное управление науки, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И УВЛЕЧЕННОСТЬ РАБОТОЙ СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

В статье раскрывается феномен организационной справедливости и увлеченности работой сотрудников социальных служб. Раскрывается понятие профессиональное выгорание.

Ключевые слова: организационная справедливость; увлеченность работой; профессиональное выгорание.

Образец цитирования: Кухта, В. Н. Организационная справедливость и увлеченность работой сотрудников социальных служб // В. Н. Кухта, Г. А. Фофанова // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 9–13.

V. Kukhta¹, G. Fofanova²

¹Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

²Main Directorate of Science, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ORGANIZATIONAL FAIRNESS AND COMMITMENT TO THE WORK OF SOCIAL SERVICE EMPLOYEES

The article reveals the phenomenon of organizational justice and passion for the work of social services employees. The concept of professional burnout is revealed.

Keywords: organizational justice; passion for work; professional burnout.

For citation Citation: Kukhta V., Fofanova G. Organizational fairness and commitment to the work of social service employees. *Sophia*. 2022;1:9–13. Russian.

Авторы:

¹Вероника Николаевна Кухта – специалист по обеспечению учебного процесса кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ.
kukhta.veronika@mail.ru

Authors:

¹Veronika Kukhta – Specialist in Ensuring the Educational Process of the Department of Philosophy of Culture of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of BSU.

² **Галина Александровна Фофанова** – кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника Главного управления науки – начальник отдела аспирантуры и докторантуры БГУ.
gfofanova@gmail.com

² **Galina Fofanova** – PhD of Psychology, Deputy Head of the Main Directorate of Science – Head of the Postgraduate and Doctoral Studies Department of the Belarusian State University.

Справедливость – один из ключевых параметров, по которым сотрудники оценивают процессы, происходящие в организации. Прием на работу, аттестация, повышение, распределение отпусков и увольнение – это лишь некоторые решения, при восприятии которых люди обращаются к данному критерию [4]. Справедливость внутри организации позволяет сохранять единство группы и свое место в ней, а также обеспечение получения желаемого результата. Это выражается в позитивной оценке ее соблюдения и в совершении определенных действий в этом направлении.

Основной функцией организационной справедливости является регулирование социального взаимодействия в организации. С. С. Баранская предложила следующее определение данного феномена: организационная справедливость – психологическая оценка сотрудником честности во внутриорганизационных отношениях, проявляющаяся в трех ее основных видах: процедурной, межличностной и справедливости распределения (дистрибутивной) [1, с. 145–146].

Организационная справедливость является одним из важнейших регуляторов социального поведения сотрудников. Она позволяет добиваться положительного отношения работников как друг к другу на вертикальном уровне, так и в отношениях руководитель–подчиненный еще до получения реального вознаграждения за социально приемлемое поведение в группе, а также позволяет оценивать его достаточность после получения. На данных нормах построены системы оплаты труда и урегулирования социальных отношений в коллективе. Основной функцией организационной справедливости является регулирование социального взаимодействия в организации [7, с. 12].

Зарождение изучения в психологии организационной справедливости находится в теориях социального обмена и групповых ценностей. В 1963 г. Дж. Адамс предложил одну из теорий справедливости (равенства). Она основывается на утверждении, что люди субъективно оценивают соотношение между затраченными усилиями и полученным вознаграждением и сравнивают это соотношение с показателями других людей, выполнявших такую же работу. Дж. Адамс выделил шесть возможных реакций человека на несправедливость: сокращение собственных затрат энергии; попытка увеличить вознаграждение за свой труд; изменение самооценки; попытка повлиять на организацию с целью изменить оплату или нагрузку других; выбор для себя другого объекта сравнения; попытка перейти в другое подразделение или другую организацию [8].

Дж. Колкитт выделяет четыре аспекта справедливости: 1) дистрибутивная справедливость касается распределения вознаграждения и воплощается в нормах беспристрастности и распределения по усилиям (вознаграждение по результату и приложенным

усилиям); 2) процедурная затрагивает сбор и анализ информации и включает в себя семь основных норм, среди которых: контроль за результатом (возможность повлиять на кого-то), контроль за процессом (право голоса), возможность коррекции (апелляции), однообразие (возможность использования процедуры в разных ситуациях), нейтрализация предубеждений (независимость результата от предубеждений участников), точность и полнота информации, на основе которой принималось решение, этичность (соответствие процедуры распространенным моральным принципам); 3) межличностная справедливость затрагивает характер общения (в ее состав входят нормы вежливости и уважения к партнеру); 4) информационная справедливость определяется степенью, в которой участники проинформированы о процедуре принятия решения (в состав этой составляющей входят пять основных норм: честность, ясность, полнота и своевременность объяснений, а также их зависимость от индивидуальных особенностей сотрудника) [3].

В трудовой деятельности помимо организационной справедливости крайне важным критерием является и увлеченность работой. На наличие открытой, честной, доверительной атмосферы в организации влияет и то, как сотрудник увлечен работой. Эмоциональное истощение, перенапряжение, чувство опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов – все это говорит о профессиональном выгорании. Наличие синдрома выгорания свидетельствует о низких показателях организационной справедливости и увлеченности работой. В настоящее время мысль о том, что работа может и должна приносить удовлетворение, или даже удовольствие, кажется очевидной. Однако так было не всегда и еще совсем недавно люди думали иначе. Долгое время работа воспринималась ими как тяжелое обременительное занятие, отнимающее у человека силы и здоровье и требующее отказа от собственных интересов. Однако времена меняются, изменился и подход к трудовой деятельности. Работа рассматривается теперь не только как средство заработать деньги для того, чтобы обеспечить физиологические потребности, люди хотят, чтобы работа способствовала их развитию, была полезна обществу и приносила радость и удовлетворение. Для некоторых людей трудовая деятельность выступает в качестве основного жизненного смысла, так как именно она способствует реализации их талантов, способностей, раскрытию творческого потенциала. Перед людьми открылись широкие перспективы не только выбора профессии по душе, согласно собственным предпочтениям и индивидуальным способностям, но и возможности менять профессию и работу неоднократно в течение жизни.

Термин увлеченность работой предложили К. Маслач и М. Ляйтер [10] и охарактеризовали его прямо противоположными профессиональному выгоранию составляющими: энергичностью, включенностью в работу, профессиональной эффективностью. Под профессиональным выгоранием мы понимаем «совокупность негативных эмоциональных переживаний и установок относительно своей работы (профессии) и субъектов делового общения, возникающих в качестве реакции на ситуации с эмоциональной напряженностью и когнитивной сложностью» [5]. Н. В. Гришина рассматривает выгорание в качестве особого состояния человека, оказывающегося следствием профессиональных стрессов, адекватный анализ которого нуждается в экзистенциальном уровне описания. Это необходимо потому, что «развитие выгорания не ограничивается профессиональной сферой, а проявляется в различных ситуациях бытия человека; болезненное разочарование в работе как способ обретения смысла окрашивает

всю жизненную ситуацию» [2, с. 31]. Работа не только позволяет удовлетворять базовые потребности, но также дает возможность ощутить свою принадлежность к группе, заслужить уважение со стороны окружающих и реализовать свои способности.

Увлеченность работой является одним из центральных феноменов организационной психологии и представляет собой положительное состояние человека на работе. В самом процессе деятельности он находит смысл, интерес и удовольствие. При этом увлеченность рассматривается как устойчивое и глубокое, затрагивающее различные психические процессы, эмоционально-когнитивное и мотивационное состояние, которое не фокусируется на каком-то конкретном предмете, событии, человеке или форме поведения, а описывает отношение человека к работе в целом.

Проведенное авторами статьи в начале февраля 2022 г. исследование носит пилотажный характер, в нем приняли участие 50 сотрудников «Территориального центра социального обслуживания населения Московского района г. Минска». Среди респондентов – 47 женщин и 3 мужчин в возрасте от 24 до 51 года. Методологическими основами эмпирического исследования стали концепция организационной справедливости С. С. Баранской и концепция увлеченности работой В. Шауфели и А. Баккера. В исследовании использовались опросник «Организационная справедливость» в адаптации С. С. Баранской [1] и Утрехтская шкала увлеченности работой, разработанная У. Шауфели и его коллегами [9]. Также использовалась авторская анкета, содержащая вопросы о семейном статусе, возрасте, стаже, занимаемой должности, образовании и т. д.

После обобщения результатов проведенного исследования было определено, что сотрудники имеют разные уровни организационной справедливости и увлеченности работой, зависящие от возраста. В возрасте от 24 до 35 лет (40 % респондентов) сотрудники имеют средние показатели по отдельным шкалам организационной справедливости и средние показатели увлеченности работой. Из них у 34 % преобладает эмоциональное истощение, а у 6 % редукция личных достижений. У сотрудников данной возрастной группы присутствует доверие к руководству, они чувствуют свою значимость и пользу в организации. Увлеченность работой имеет невысокие показатели, но показывает, что сотрудники заинтересованы своей сферой деятельности. Из них по специальности работают 16 % сотрудников. В возрастной категории от 36 до 51 года (60 % респондентов) выявлены низкие показатели организационной справедливости и увлеченности работой. У сотрудников этого возраста стаж работы в организации превышает 10 лет, имеются дети. Отметим, что они не удовлетворены предоставляемым отпуском и уровнем заработной платы. Также было обнаружено преобладающее эмоциональное истощение. Из этого можно заключить, что сотрудники данной возрастной группы, проработавшие в организации длительное время и имеющие стабильность в жизни, не увлечены и не поглощены своей работой, и руководство ими рассматривается как невнимательное, несправедливое и безразличное. Результаты нашего исследования согласуются с исследованием О. В. Полуниной, посвященным изучению взаимосвязи увлеченности работой и профессионального выгорания у представителей сферы обслуживания: обнаружено, что респонденты с наиболее выраженной увлеченностью имеют рабочий стаж меньше, чем респонденты с наименее выраженной степенью увлеченности работой. Вероятно, с увеличением стажа работник уже не оценивает все аспекты деятельности благоприятно (как в начальный период работы), а степень его увлеченности снижается [6].

Также был проведен корреляционный анализ (Пирсона) с такими показателями, как организационная справедливость и увлеченность работой. Была обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь между организационной справедливостью и увлеченностью работой ($r = 0,819$; $p \leq 0,01$). Из этого можно сделать вывод о том, что чем выше организационная справедливость, тем выше и увлеченность работой. Увлеченность работой сотрудников социальных служб зависит не только от личных убеждений, жизненных ценностей, но и от климата в самой организации.

Таким образом, организационная справедливость и увлеченность работой сотрудников социальных служб в зависимости от возрастного диапазона имеет разные показатели. Чем старше сотрудник, тем ниже им оценивается организационная справедливость и тем ниже у него увлеченность работой. Полученные результаты могут быть полезны в подборе сотрудников, повышении эффективности взаимодействия в организации. Данные можно применять для подбора способов и средств улучшения и повышения уровня организационной справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранская, С. С. Опросник «Организационная справедливость» (русскоязычная адаптация) // С. С. Баранская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 3. – С. 145–153.
2. Гришина Н. В. Помогающие отношения: Профессиональные и экзистенциальные проблемы / Н. В. Гришина // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. – С. 143–156.
3. Гулевич, О. А. Как измерить справедливость в организации: методика Дж. Колкитта / О. А. Гулевич // Психологическая диагностика. – 2009. – № 4. – С. 67–79.
4. Гулевич, О. А. Справедливость в организации: условия и последствия / О. А. Гулевич // Организационная психология. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 58–70.
5. Мухаметлатыпов, Ф. У. Удовлетворенность трудом и ее влияние на текучесть кадров / Ф. У. Мухаметлатыпов, Г. И. Гиндуллина // Гуманитарные научные исследования [Электронный ресурс]. – № 5. – 2014. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/05/6626>. – Дата доступа: 06.03.2022.
6. Полунина, О. В. Увлеченность работой и профессиональное выгорание: особенности взаимосвязей / О. В. Полунина // Психологический журнал. – 2019. – № 30 (1). – С. 73–85.
7. Фофанова, Г. А. Организационная справедливость сотрудников социэкономических профессий с различным уровнем удовлетворенности трудом / Г. А. Фофанова, А. С. Мамедова // София: электронный научно-просветительский журнал [Электронный ресурс]. – 2019. – № 1. – С. 9–15. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/219496>. – Дата доступа: 06.03.2022.
8. Adams, J. S. Inequality in social exchange / J. S. Adams // Advanced Experimental Psychology. – 1965. – 62. – P. 335–343.
10. Schaufeli, W. Utrecht work engagement scale: Preliminary Manual / W. Schaufeli, A. Bakker; Occupational Health Psychology Unit Utrecht University. – 2004. – 60 p.
11. Maslach, C. The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about in / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. – 200 p.

Г. А. Фофанова¹, К. Н. Лазарёнок²

УДК 159.9.072.433

¹ Главное управление науки, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² ООО «Тренинговый центр “Квадратный апельсин”», Минск, Республика Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОКРАСТИНАЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье анализируется феномен прокрастинации в студенческой среде. Приводятся результаты эмпирического исследования прокрастинации студентов в зависимости от пола, возраста, семейного статуса, места проживания, курса обучения, факультета, наличия трудоустройства.

Ключевые слова: прокрастинация, студенты, высшее образование.

Образец цитирования: Фофанова, Г. А. Психологические аспекты прокрастинации студентов / Г. А. Фофанова, К. Н. Лазарёнок // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 14–17.

G. Fofanova¹, K. Lazaryonok²

¹ Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

² LLC Training center “Kvadratniy apelsin”, Minsk, Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF STUDENT PROCRASTINATION

The phenomenon of procrastination in the student environment is presented in the article. The results of an empirical study of student procrastination, depending on gender, age, marital status, place of residence, course of study, faculty, availability of employment are presented.

Keywords: procrastination, students, higher education.

For citation: Fofanova, G., Lazaryonok, K. Psychological aspects of student Procrastination. *Sophia*. 2022;1:14–17. Russian..

² **Ксения Николаевна Лазарёнок** – специалист по работе с клиентами ООО «Тренинговый центр “Квадратный апельсин”». kslazarenok@gmail.com

² **Kseniya Lazaryonok** – customer service specialist of LLC Training center “Kvadratniy apelsin”.

Авторы:

¹Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника Главного управления науки – начальник отдела аспирантуры и докторантуры БГУ.
gfofanova@gmail.com

Authors:

¹Galina Fofanova – PhD of Psychology, Deputy Head of the Main Directorate of Science – Head of the Postgraduate and Doctoral Studies Department of the Belarusian State University.

Современные исследования в области психологии демонстрируют значительную распространенность среди людей феномена прокрастинации. Согласно некоторым исследованиям, достаточно большое распространение прокрастинация имеет именно в студенческой среде [4]. Вероятно, это связано с основной побуждающей силой обучения в вузе – внутренней мотивацией; система внешней мотивации играет значительную роль при обучении в школе. В связи с этим на данный момент преобладают исследования именно академической прокрастинации, которая является лишь одним из видов общей прокрастинации. Однако, как показывает исследование С. Шер и Дж. Феррари [7], студенты склонны проявлять прокрастинацию по отношению к академическим задачам в той же степени, что и к неакадемическим. Следовательно, возникает необходимость исследования прокрастинации студентов.

На сегодняшний день существует значительное множество теорий, раскрывающих суть феномена прокрастинации. Представители когнитивного направления (А. Эллис и В. Кнаус) рассматривают прокрастинацию как абсолютно иррациональное поведение, которое необходимо уничтожать [5]. Распространена и точка зрения, согласно которой прокрастинация может быть полезна человеку, если он использует ее для достижения своих личных целей. Еще в 1995 г. Дж. Феррари, Дж. Джонсон, В. МакКаун высказали идею о пользе прокрастинации для некоторых людей и о том, что прокрастинация зачастую становится преднамеренной стратегией самомотивации для людей, которые, чтобы быть адекватно мотивированными, нуждаются в интенсивном уровне стимуляции.

Выделяют четыре ярко выраженных подхода к рассмотрению феномена прокрастинации: **психодинамический**, при котором прокрастинация является защитным механизмом Эго; **поведенческий**, при котором прокрастинация – это закрепленное удачными исходами иррациональное поведение; **когнитивный**, при котором прокрастинация понимается как эмоциональное расстройство, основанное на иррациональном мышлении; **теория временной мотивации**, согласно которой прокрастинация проявляется тогда, когда человек приходит к мнению, что польза от выполнения той или иной работы будет не высока [6]. Таким образом, можно убедиться в том, что несмотря на широкую изученность феномена прокрастинации нет его четкого и однозначного определения, т. к. различные подходы лишь расширяют круг возможного понимания самого феномена, а не развивают и дополняют единую логику. Это лишь подтверждает необходимость углубленного изучения столь неопределенного и многогранного явления.

В нашем исследовании мы придерживались концепции П. Стила, согласно которой прокрастинация является иррациональным откладыванием задач или действий, где под иррациональностью понимается сознательное действие, которое приводит к нежелательным негативным последствиям [8]. Данное исследование направлено на изучение феномена прокрастинации у студентов, обучающихся на первой ступени высшего образования. В исследовании приняли участие 100 студентов БГУ, обучающихся на разных факультетах (ФФСН и ФПМИ) в возрасте от 19 до 21 года. В качестве инструментария оценки прокрастинации студентов использовался опросник «Шкала прокрастинации П. Стила» в адаптации Н. М. Клепиковой и И. Н. Кормачевой [2]. Данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v. 22.

В ходе исследования было выявлено, что низкий уровень прокрастинации характерен для 19 % респондентов, средний уровень свойственен 67 %, высокие значения были выявлены у 14 % респондентов. Таким образом, можно заключить, что прокрастинация в средней или высокой степени присуща 80 % выборки. Явно преобладающий средний уровень прокрастинации говорит о том, что студенты в целом склонны откладывать дела на потом, однако не делают этого на постоянной основе. Подобное соотношение, а именно преобладание среднего уровня прокрастинации, а также характерность для большей части выборки среднего или высокого уровня прокрастинации, находит отражение во множестве последних исследований, посвященных изучению прокрастинации у студентов. Это лишь подтверждает неумещающееся распространение данного феномена среди представителей студенчества.

Для получения более целостной картины прокрастинации студентов полученные результаты были сопоставлены с рядом параметров (пол, возраст, семейный статус, место проживания, курс обучения, факультет, наличие трудоустройства). В результате сравнительного анализа были получены статистически значимые различия уровней прокрастинации у студентов разного возраста. Так, студентам в возрасте 19 лет присущи более высокие показатели уровня прокрастинации, чем студентам в возрасте 20 лет ($p < 0,00$) и 21 года ($p < 0,05$). Вместе с этим были выявлены различия у студентов, обучающихся на разных курсах. Студентам 2 курса характерен более высокий уровень прокрастинации, чем студентам 4 курса ($p < 0,05$). При сравнении показателей студентов, обучающихся на разных курсах, статистически значимых различий выявлено не было. Таким образом, можно сделать вывод о том, что младшие студенты в целом более склонны к прокрастинации, чем старшие студенты. Так как уровень прокрастинации (в частности академической) коррелирует с амотивацией как шкалой учебной мотивации, что отражено в нашей более ранней статье [3], то можно предположить, что студенты, чья основная деятельность – обучение, в процессе получения высшего образования и освоения специальности приобретают больший интерес и ощущение осмысленности учебной деятельности, что приводит к уменьшению проявления прокрастинации в их поведении. Полученные результаты значительно отличаются от результатов схожих исследований. Например, Еремицкая И. А. и Андреева И. В. пишут о том, что между возрастом и прокрастинацией в их исследовании выявлена положительная связь, т. е. чем старше студенты, тем выше у них уровень прокрастинации [1]. Подобные расхождения в результатах могут быть обусловлены различием во времени и в странах проведения исследования.

В ходе сравнительного анализа также были выявлены статистически значимые различия уровней прокрастинации у трудоустроенных студентов и неработающих

студентов. Студенты, имеющие постоянное место работы, демонстрируют значительно меньшие показатели уровня прокрастинации, нежели нетрудоустроенные студенты ($p < 0,05$). При разделении нетрудоустроенных студентов на тех, кто не работает, и не ищет работу, и тех, кто не работает, но ищет работу, оказалось, что статистически значимые различия уровня прокрастинации выявляются между студентами работающими и студентами не работающими, но ищущими работу ($p < 0,05$). Возможно, в данном случае прокрастинация выступает одним из параметров, мешающих успешному трудоустройству студентов.

При сравнении показателей прокрастинации студентов разного пола, семейного положения, места жительства, обучающихся на разных факультетах, статистически значимые различия выявлены не были ($p > 0,05$).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что большей части студентов в средней или высокой степени характерна прокрастинация. Студентам 19 лет в целом присущи более высокие показатели уровня прокрастинации, чем студентам в возрасте 20–21 года. Трудоустроенные студенты склонны прокрастинировать значительно меньше, чем нетрудоустроенные студенты в целом, и чем неработающие студенты, находящиеся в поиске работы, в частности.

Результаты данного исследования подтверждают необходимость исследования феномена прокрастинации вместе с другими психологическими характеристиками, сопутствующими объяснению поведения студентов. Такое исследование было нами проведено, его результаты будут представлены в последующих статьях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Еремицкая, И. А. Прокрастинация и самоорганизация у студентов вуза / И. А. Еремицкая, И. В. Андреева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 3(15). – С. 82–88.
2. Клепикова, Н. М. Адаптация шкалы прокрастинации и шкалы иррациональной прокрастинации в методике П. Стила / Н. М. Клепикова, И. Н. Кормачева // Системная психология и социология. – 2019. – № 3(31). – С. 26–37.
3. Лазарёнок, К. Н. Особенности учебной мотивации студентов с различным уровнем академической прокрастинации / К. Н. Лазарёнок // Человек. Культура. Общество: сб. науч. статей 18-й ежегод. науч. конф. студ. и аспирантов фак.-та философии и социальных наук БГУ, 22 апреля 2021 г., Минск / БГУ, ФФСН; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 447–480.
4. Микляева, А. В. Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования / А. В. Микляева, Д. С. Реброва, А. С. Савинская // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – Т. 19. – С. 59–66.
5. Ellis, A. Overcoming procrastination / A. Ellis, W. J. Knaus // N.Y.: Institute for Rational Living, 1977. – 180 p.
6. Ferrari, R. J. Procrastination and task avoidance: Theory, Research, and Treatment / R. J. Ferrari, J. L. Johnson, W. G. McCown. 1st ed. – N.Y.: Plenum Press, 1995. – 284 p.
7. Scher, S. J. Toward and understanding of academic and non-academic tasks procrastinated by students: The use of daily logs / S. J. Scher, J. R. Ferrari // Psychology in the Schools. – 2000. – Vol. 37, № 4. – P. 359–366.
8. Steel, P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure / P. Steel // Psychological Bulletin. – 2007. – Vol. 133, № 1. – P. 65–94.

Цай Хуэйцин

УДК 316.6

Кафедра психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Данный аналитический обзор позволяет обрисовать в общих чертах процесс социально-психологической адаптации, переживаемый иностранными студентами во время обучения за рубежом. Рассматриваются понятие социально-психологической адаптации и её процесс, вид, функция, а также защитные механизмы психики, задействованные в этом процессе. Описывается социально-психологическая адаптация иностранных студентов в контексте современного бума на обучение за рубежом. Обсуждаются многочисленные факторы, влияющие на психическое здоровье и социокультурную адаптацию иностранных студентов.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, социальная адаптация, иностранные студенты, социокультурная адаптация.

Образец цитирования: Цай, Хуэйцин. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: обзор исследований / Цай Хуэйцин // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 18–23.

Cai Huiqing

Department of Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS: A REVIEW OF RESEARCH

This analytical review allows us to outline in general terms the process of socio-psychological adaptation experienced by international students while studying abroad. The concept of socio-psychological adaptation and its process, type, and function, as well as the mental defense mechanisms involved in this process, are examined. Socio-psychological adaptation of international students is described in connection with the current topics of study abroad in the context of globalization. Numerous factors affecting the mental health and socio-cultural adaptation of international students are discussed.

Keywords: psychosocial adaptation, social adaptation, international students, sociocultural adaptation.

For citation: Cai Huiqing. Socio-psychological adaptation of international students: a review of research. *Sophia*;1:18–23. Russian.

Автор:

Цай Хуэйцин – аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ.
caihuiqing0704@gmail.com

Author:

Cai Huiqing – PhD Student of the Department of Psychology of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, BSU.

С ростом интернационализации образования все больше студентов предпочитают получать образование за рубежом. Согласно официальным данным Министерства образования Китая, в 2019 г. 703 500 китайских студентов выбрали обучение за рубежом, что на 41 400 или 6,25 % больше, чем в 2018 г., и эта тенденция продолжает расти [26]. Иностранные студенты должны уметь хорошо адаптироваться, чтобы успешно завершить обучение. Это дает иностранным студентам возможность предвидеть и использовать все имеющиеся ресурсы для получения максимальной выгоды оптимальным способом и с наименьшими затратами [5].

Адаптация относится к классу общенаучных понятий, которые возникают на стыке отдельных отраслей знания и далее экстраполируются на различные области социальных и естественных наук: в биологии, философии, социологии, социальной психологии, этике, педагогике, экологии и др. В социальной психологии социально-психологическая адаптация рассматривается как приспособление человека к социальной среде и взаимодействие с ней (Д. А. Андреева, М. Мид, Т. Парсонс, Ж. Пиаже и др.). Адаптация также описывается как «социально-психологический процесс, который, в случае успеха, приводит к состоянию адаптации» [3, с. 198]. В своей работе «Социальная адаптация личности в трудовом коллективе» Н. А. Свиридов утверждает, что социально-психологическую адаптацию можно определить как вступление человека в отношения в группе, приспособление к этим отношениям, установление моделей мышления и поведения, отражающих ценностно-нормативную систему этого коллектива (группы). В этой коллективе (группе) люди приобретают и развивают навыки и компетенции межличностного общения [4].

Выделяют два типа социально-психологической адаптации: *прогрессивная* (когда достигнута полная адаптация) и *регрессивная* (как форма адаптации, не отвечающая интересам общества, развитию отдельных социальных групп или индивидов).

Только прогрессивная адаптация может привести к истинной социализации личности. С другой стороны, регрессивные стратегии уступчивости приводят к постоянному «плохому» поведению (несоответствию стандартам, ожиданиям и моделям поведения) и все более проблематичным ситуациям. Таким образом, *социально-психологическая адаптация* – это способ защиты человека от внутренних стрессов, неустойчивости, страхов и тревог, возникающих в процессе социального взаимодействия.

Функции социально-психологической адаптации следующие: 1) достижение максимального баланса в системе «личность – социальная среда»; 2) выражение и развитие индивидуальных талантов; 3) развитие личного отношения к эмоциональному комфорту; 4) самореализация личности; 5) самосознание и самокоррекция; 6) повышение эффективности адаптированной индивидуальной и коллективной социальной среды; 7) поддержание психического здоровья [1].

Психологические защитные механизмы являются средством психологической адаптации. Они формируются и возникают как структура травмирующих событий в межличностных отношениях, особенно в раннем детстве. Научная литература по психосоциальной адаптации дала нам основу для определения ее механизмов: принятие себя, принятие других, комфорт, эмоциональный дискомфорт, внутренний контроль, внешний контроль, доминирование, ведомость, эскапизм. Адаптивные механизмы вступают в действие при возникновении адаптивных ситуаций. Это происходит в двух ситуациях: либо когда происходит изменение среды (или когда человек переходит из одной

среды в другую), либо когда меняется субъект адаптации и достижение новых целей в прежней среде становится нереальным. Когда человек обучается механизмам психологической защиты, это повышает его потенциал адаптации и способствует успешной социальной и психологической адаптации [6].

Основываясь на обобщении предыдущих работ, мы определяем психологическую адаптивность иностранных студентов как важный признак их психического здоровья и отражение их общего качества. Это способность иностранных студентов достигать гармонии и баланса с окружающим миром посредством саморегуляции и самоуправления в пяти областях: академическая адаптация, межличностные отношения, социальная адаптация, коллективная адаптация и самоинтеграция [29].

В современном обществе иностранные студенты являются группой с высоким уровнем культуры, социального внимания и социальных ожиданий. У иностранных студентов, прибывших в незнакомую среду, может развиваться множество проблем, связанных со здоровьем, особенно проблемы с психическим здоровьем или психологический стресс [15].

Так, например, студенты австралийских университетов в целом демонстрируют тенденцию к ухудшению психического здоровья [23]. Согласно опросам, распространенность психологических проблем среди иностранных студентов составляет от 10 % до 30 %, в основном из-за неспособности разумно справляться с академическими, межличностными и экологическими проблемами [27]. Поэтому понимание особенностей психологической адаптивности иностранных студентов имеет большое практическое значение и необходимо, чтобы знать, как они могут эффективно справляться с различными стрессовыми факторами и повышать свою социальную адаптивность.

Социально-психологическая адаптация включает психологическое благополучие студентов (например, низкий уровень депрессивных симптомов и одиночества) и социально-культурную адаптацию (например, чувство принадлежности к сообществу кампуса) [25]. Психологическая адаптация относится к эмоциональному / аффективному компоненту, обычно измеряется с помощью шкал депрессии или нарушения настроения, фокусируется на эмоциональных реакциях во время кросс-культурного перехода [20].

Многомерные предикторы психического здоровья

Черты личности влияют на процесс психосоциальной адаптации. Черты личности относятся к пяти измерениям индивида [17] – это экстраверсия, согласованность, добросовестность, невротизм и открытость. Исследования доказывают, что между экстраверсией, согласованностью, добросовестностью, открытостью и психосоциальной адаптацией существует положительная связь, а между невротизмом и психосоциальной адаптацией – отрицательная [16; 25]. Например, исследования, проведенные на выборке сингапурских и австралийских студентов и экспатриантов, показали положительную связь между экстраверсией и психологической и социально-культурной адаптацией. К. Уорд и коллеги обнаружили положительную взаимосвязь между согласованностью и психологическим благополучием в австралийской и сингапурской выборках и социокультурной адаптацией в сингапурской выборке [22]. Кроме того, исследование, изучавшее взаимосвязь личностных факторов и аккультурации в выборке из 125 североамериканцев, проживающих на Тайване, показало, что более высокая психологическая адаптация была связана с более низким уровнем невротизма [19].

Исследователи также обнаружили положительную связь между социальной поддержкой и психологическим благополучием иностранных студентов [10]. Социальная поддержка – это поддержка, которую человек получает от семьи, друзей и своего близкого человека в процессе психосоциальной адаптации. Социальная поддержка смягчает психологическое влияние стресса в процессе адаптации [18]. Например, Л. Дж. Крокетт и его коллеги в исследовании, посвященном латиноамериканским студентам колледжа, обнаружили, что родительская поддержка и активное преодоление препятствуют влиянию высокого аккультурационного стресса на тревожность и депрессивные симптомы участников. В ходе исследования было установлено, что поддержка сверстников также умеренно влияет на связь между аккультурационным стрессом и симптомами тревоги [9].

Когда люди рассказывают о проблемах, слушатели могут ответить советом (т. е. предложить, как думать, чувствовать или действовать в ответ на проблему). Для студентов положительная связь между стрессом в колледже и депрессией слабее, когда они общаются о получении полезных советов от друзей и родственников. Однако совет не всегда приводит к положительному результату; совет может подразумевать некомпетентность или восприниматься как «вмешательство» [8]. Таким образом, когда иностранные студенты ищут социальной поддержки, только то, что, по его мнению, является эффективным советом, может снизить его тревогу.

Многомерные предикторы социокультурной адаптации

Социокультурная адаптация была определена как «поведенческая компетенция, необходимая в различных ситуациях и обстоятельствах во время кросс-культурных переходов» [24]. Переменные-предикторы социокультурной адаптации включали потребность в когнитивном закрытии, свободное владение языком, влияние социальных связей (международных, межнациональных и связей с принимающей страной) и культурную дистанцию (воспринимаемое различие между принимающей культурой и культурой происхождения).

Потребность в когнитивном закрытии описывает степень, в которой человек чувствует себя комфортно в условиях двусмысленности в его окружении [13]. Человек с высокой потребностью в когнитивной завершенности может испытывать больший дистресс в незнакомой, чужой среде, чем человек, более терпимый к двусмысленности. Эта идея была поддержана в исследовании взаимосвязи между потребностью в когнитивном закрытии и адаптацией европейских иммигрантов.

Владение языком принимающей страны относится к уровню владения студентами-неносителями языка чтением, письмом, устной речью и пониманием иностранных языков, а также к тому, насколько студенты говорят на иностранных языках с неродным акцентом [14]. Знание языка в принимающей стране предсказывает более крепкое психическое здоровье, необходимо для успеха в учебе и может помочь иностранным студентам осмысленно и социально взаимодействовать с гражданами принимающей страны. Иностранные студенты с более низким уровнем владения языком также могут испытывать стереотипную угрозу, когда осознание языковой стигмы вызывает тревогу, которая подрывает их коммуникативную эффективность [7].

Социальный контекст адаптации имеет первостепенное значение, и предыдущие исследования устойчивости показали, что социальные связи, такие, как академическая вежливость в отношениях, оказывают глубокое влияние на благополучие [10]. В случае иностранных студентов знакомство с гражданами принимающей страны

способствовало психологической адаптации. Количество друзей-соотечественников имело обратную связь как с психологической адаптацией, так и с социокультурной адаптацией. И наоборот, наличие большего числа друзей из принимающей страны предсказывало более высокую социокультурную адаптацию, но не было связано с психологическим благополучием [12].

Культурная дистанция анализирует вопрос адаптации на кросс-культурном уровне с учетом воспринимаемых расхождений в родной и принимающей культурах. Они могут проявляться в различных областях, таких как климат, одежда, язык, еда, религия, досуг, структура семьи и другие. Различные исследования подтверждают, что культурная дистанция тесно связана с социокультурной адаптацией. Исследователи предположили, что студенты, испытывающие большую дистанцию между родной культурой и принимающей культурой, будут испытывать больше трудностей в приобретении культурно-адекватных навыков; в свою очередь, это затрудняет их социокультурную адаптацию [21].

Заключение. Анализ научной литературы по проблеме социально-психологической адаптации иностранных студентов позволяет сделать следующие выводы. Адаптация всегда была актуальной темой для исследований и глубоко изучалась различными дисциплинами и научными школами (Д. А. Андреева, М. Мид, Т. Парсонс, Ж. Пиаже и др.). Адаптация описывается как психосоциальный процесс, который, в случае успеха, приводит к состоянию адаптации [3]. В социальной психологии социально-психологическая адаптация рассматривается как приспособление человека к социальной среде и взаимодействие с ней. Хорошие показатели социально-психологической адаптированности позволяют иностранным студентам быстро приспособиться к незнакомой обстановке, влиться в новую жизнь и лучше учиться. Психосоциальная адаптация иностранных студентов включает в себя психическое здоровье и социокультурную адаптацию [25]. Черты личности влияют на процесс социально-психологической адаптации. Исследования доказывают, что между экстраверсией, соглашательством, добросовестностью, открытостью и психосоциальной адаптацией существует положительная связь, а между нейротизмом и психосоциальной адаптацией – отрицательная [16; 19]. Исследователи также обнаружили положительную связь между социальной поддержкой и психологическим благополучием иностранных студентов [17].

В число предикторных переменных социально-психологической адаптации входят потребность в когнитивном закрытии, свободное владение языком, влияние социальных связей (международных, межнациональных и национальных связей принимающей стороны) и культурная дистанция (воспринимаемая разница между культурой принимающей стороны и культурой своего происхождения) [7; 10; 14].

Результаты исследования социально-психологической адаптации иностранных студентов могут помочь сотрудникам высших учебных заведений и специалистам в области психического здоровья лучше поддерживать иностранных студентов. Это поможет иностранным студентам снизить уровень тревоги и стресса и добиться больших успехов в учебе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Крысько, В. Г.* Социальная психология: курс лекций. 3-е изд. / В. Г. Крысько. – М.: Омега-Л, 2006. – 352 с.
2. *Кулебякин, Е. В.* Психология социальной работы: Учеб. пособие. / Е. В. Кулебякин. – Владивосток, 2004. – 223 с.
3. *Налчаджян, А. А.* Социально-психологическая адаптация личности: Формы, механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – Ереван: АН Армянской ССР, 1988. – 263 с.
4. *Свиридов, Н. А.* Социальная адаптация личности в трудовом коллективе: дис. ... канд. философ. наук. (09.00.09) / Н. А. Свиридов; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Филос. фак. – Ленинград: [б. и.], 1974. – 23 с.
5. *Хаустова, А. И.* Социально-психологическая адаптация / А. И. Хаустова // Молодой ученый. – 2016. – С. 614–617.
6. *Иванова, А. И.* Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы / А. И. Иванова // Вестник ГУУ. – 2014. – № 9. – С. 255–259.
7. *Birney, M. E.* When Speaking English Is Not Enough: The Consequences of Language-Based Stigma for Nonnative Speakers / M. E. Birney [et al.]; ed.: A. Rabinovich, T. A. Morton. 2nd ed. // USA: Journal of Language and Social Psychology. – 2020. – № 39(1). – P. 67–86.
8. *Chentsova-Dutton, Y. E.* Butting in vs. being a friend: Cultural differences and similarities in the evaluation of imposed social support / Y. E. Chentsova-Dutton // USA: Journal of Social Psychology. – 2012. – № 152. – P. 493–509.
9. *Crockett, L. J.* Acculturative stress, social support, and coping: relations to psychological adjustment among Mexican American college students / L. J. Crockett [et al.]; ed.: M. I. Iturbide, R. A. Torres Stone. 3rd ed. // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. – № 13(4). – P. 347–355.
10. *Di Fabio, A.* Academic relational civility as a key resource for sustaining well-being / A. Di Fabio, M. Kenny // Sustainability. – 2018. – № 10. – P. 1914–1926.

А. Н. Вощинчук

УДК 159.9.75

Государственное учреждение «Национальное агентство по туризму», Минск, Республика Беларусь

«ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КРОВАТИ В ИСКУССТВЕ XX–XXI ВЕКОВ

В статье представлено описание кровати как объекта в художественной культуре. Автор анализирует произведения живописи, инсталляции, арт-объекты, скульптуры в творчестве женщин-художниц: Фриды Кало, Луиз Буржуа, Моны Хатум, Трейси Эмин, Алисии Кваде.

Ключевые слова: современное искусство, художественная культура, кровать, сюрреализм, психоанализ, психоаналитическая культурология, женское творчество, скульптура, инсталляция, живопись.

Образец цитирования: Вощинчук, А. Н. «Женские истории»: интерпретация кровати в искусстве XX–XXI веков / А. Н. Вощинчук // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 24–28.

H. Vashchynchuk

The State Institution “National tourism agency”, Minsk, Belarus

“WOMEN’S STORIES”: THE INTERPRETATION OF THE BED IN THE ART OF THE XX–XXI CENTURIES

The article presents the understanding of the bed as an object in artistic culture. The author analyzes paintings, installations, art objects, sculptures in the work of women artists: Frida Kahlo, Louise Bourgeois, Mona Hatoum, Tracey Emin, Alicia Quade.

Keywords: contemporary art, artistic culture, bed, surrealism, psychoanalysis, psychoanalytic cultural studies, women’s creativity, sculpture, installation, painting.

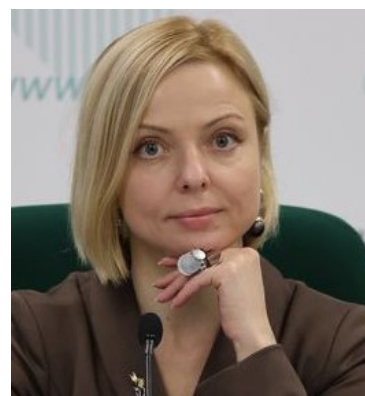
For citation: Vashchynchuk H. “Women’s stories”: the interpretation of the bed in the art of the XX–XXI centuries. *Sophia*. 2022;1:24–28. Russian.

Автор:

Анна Николаевна Вощинчук – начальник отдела качества и учебно-аналитической работы государственного учреждения «Национальное агентство по туризму».
sulamif79@gmail.com

Author:

Hanna Vashchynchuk – Head of department of quality, educational and analytical work, the State Institution “National tourism agency”, Minsk, Belarus.

В художественной культуре кровать репрезентировалась как предмет неотъемлемой повседневной части жизни человека. Она показывала статус человека, его материальные возможности, место фиксации событий (например, на фресках в Помпеи изображена сцена на кровати из публичного дома).

В изобразительном искусстве фрагменты изображений интерьера дома, в частности кровати, воспринимались как проникновение в повседневную культуру жителей определенной эпохи. В культуре эпохи Возрождения популярными стали сюжеты с изображениями Данаи, Венеры Урбинской на кровати, а также разные интерпретации образа Юдифи и т. д.

Одним из самых провокационных изображений женщины на кровати была работа Эдуарда Мане «Олимпия» (1863), которая подверглась многочисленным нападкам со стороны общественности. В таком формате картина интерпретировалась зрителями весьма неоднозначно несмотря на то, что композиционно она повторяла работы Джорджоне, Тициана, Рембрандта и других художников предыдущих эпох.

В XIX в. кровать становится последний приютом, местом смерти человека в работах Э. Мунка («Больная девочка», 1886), символом одиночества у Ван Гога («Спальня в Арле», 1888, 1889). Знаменитая кушетка Зигмунда Фрейда придала изображению кровати в творчестве художников нарративный смысл. Так, например, модели Люсьена Фрейда, изображенные на кровати обнаженными, были не просто безымянными моделями. Чаще всего в качестве моделей художник выбирал конкретных людей, которые имели свою личную историю («Портрет Роуз», 1975). Как отмечали современники Л. Фрейда, процесс написания картин художником напоминал психоаналитический сеанс на кушетке: он долго и упорно работал со своими моделями, раскрывая сущность человека, пытаясь понять их как психоаналитик.

В своей работе «Кровать» (1955) Роберт Раушенберг осуществил эксперимент, соединив «реди-мейд» с абстрактным экспрессионизмом: взял пружинный матрас с постелью, облил его краской «в духе» Джексона Поллока и поставил композицию вертикально. Зритель видел перед собой новый объект. Эксперименты дадаистов перекодировали первоначальное назначение предметов, в том числе и кровати, которая до того воспринималась как часть повседневной культуры.

Таким образом, в художественной культуре кровать перестала быть только частью интерьера и просто функциональной вещью. Обратимся к конкретным примерам в творчестве художников.

Фрида Кало (1907–1954) – мексиканская женщина-художница, для которой творчество стало необходимым условием жизни. В детстве переболела полиомиелитом, в подростковом возрасте попала в автомобильную катастрофу, последствия которой повлияли на всю ее жизнь и во многом определили решение стать художницей. Ее стиль вобрал в себя черты искусства доколумбовой Америки, народного мексиканского творчества, наивного искусства и сюрреализма. Андре Бретон, увидевший картины Кало, восхищался сюрреалистическими сюжетами в ее работах, сама же художница подчеркивала, что для кого-то ее искусство может быть и похоже на сюрреализм, для нее же это сама жизнь, а не сверхреальность.

Почти каждая работа Фриды Кало автобиографична и повествует о событиях, произошедших в личной жизни. На картине «Больница Генри Форда (Летающая кровать)», написанной в 1932 г., изображена лежащая на кровати обнаженная женщина

(сама Фрида), которую окружают привязанные пуповиной летающие мертвые человеческие эмбрионы и младенцы, пустые женские матки как символы бесплодия и приговора бездетности. Картина написана после того, как художница попала в больницу и стало понятно, что она не сможет иметь детей. Фрида несколько раз была беременна, но стать матерью ей так и не удалось. Кровать в работе «Больница Генри Форда (Летающая кровать)» стала символом необратимости, местом демонстрации горя и трагедии, одиночества и незащищенности женщины.

Еще одно произведение, где Фрида Кало использует кровать как сцену, на которой разыгрывается человеческая драма, называется «Всего-то несколько царапин» (1935). На создание картины повлияла прочитанная в газете заметка об убийстве мужчиной женщины, которую он приревновал к другому мужчине. В качестве оправдания в суде он произнёс фразу: «Но ведь это были всего лишь несколько царапин». Его высказывание стало названием работы, художница ввела этот текст в композицию картины. Написанную на белой ленте цитату «но ведь это были всего лишь несколько царапин» держат белый и черный голуби, птицы, которые олицетворяют амбивалентность любви. В центре картины стоит кровать, на которой лежит обнаженная окровавленная женщина, рядом с ней находится мужчина, одетый по моде того времени: белая рубашка, черные брюки, черная шляпа. Никаких предметов интерьера, кроме кровати, на картине нет, что подчеркивает необратимость событий.

В творчестве Фриды Кало есть работа «Сон (Кровать)», написанная в 1940 г. во время очередного лечения в больнице Сан-Франциско. После аварии художница всю жизнь ощущала боли, перенесла многочисленные операции на позвоночнике, ногах, месяцами проводила время в больницах. Эта картина отражает чувство безысходности женщины, невозможности исправить события и предчувствие скорой смерти. В центре картины стоит двухъярусная кровать, на первом ярусе которой лежит сама художница, обвитая цветами, на втором – скелет человека, увитый цветами и динамитом. Скелет человека – это отсылка к образу Иуды и традиции, существовавший в Мексике: предавший Христа может искупить свою вину, лишь убив себя. В пасхальную субботу мексиканцы сжигали чучело Иуды, подтверждая тезис, что от бремени предательства можно избавиться через смерть.

Кровать в биографии Фриды Кало стала местом, откуда началось ее творчество. После аварии, находясь длительное время в кровати, она попросила отца принести ей краски и мольберт, чтобы заниматься живописью. Перенесла многие операции, находясь под воздействием обезболивающих препаратов, она не могла ходить, на последнюю выставку Фриду Кало привезли на кровати. И кровать – это не просто часть интерьера, она приобретает иной смысл в творчестве мексиканской художницы: это место трагедии, драмы, кошмарного сна и место сублимации боли в искусство.

Луиз Буржуа (1911–2010) – французско-американский скульптур, чье творчество стало как будто отражением долгого психоаналитического сеанса, восстановлением после детских травм и пережитых обид, осмыслением отношений с родителями. Первая выставка Луиз Буржуа состоялась в 1949 г., а расцвет творчества пришелся на последние тридцать лет ее жизни. Она стала символом арт-феминизма, свободы, примером того, что настоящее творчество не знает возраста. Скульптуры, живопись, графика Луиз Буржуа – энциклопедия искусства XX в., в которой соединились достижения футуризма, кубизма, сюрреализма и абстракционизма.

В скульптурах-инсталляциях «Красная комната (ребенок)» и «Красная комната (родители)» (обе 1994 г.) художница использует кровать. Эти две инсталляции связаны друг с другом. В первой показана кровать как остров детства с предметами повседневного обихода: иголки, предметы из маминой текстильной мастерской. Во второй инсталляции кровать становится символом взрослой жизни, в некотором роде табу для ребенка в мир интимной жизни взрослых, родителей. Вторая инсталляция – реконструкция спальни, куда детям часто вход был запрещен. Красный цвет кровати – символ любви, страсти, драматического действия в образах ребенка. Каждый предмет в этой в спальне «говорящий». Луиз Буржуа остро воспринимала сложные взаимоотношения матери и отца; будучи свидетелем супружеской неверности со стороны отца, в своем творчестве она неоднократно обращается к воспоминаниям детства и пытается «разрушить» фигуру отца, преодолеть Эдипов комплекс. В фильме «Паук, любовница и мандарин» Луиз Буржуа неоднократно рассказывала о том, что искусство для нее – это сублимация эмоций в творчество. Она считала свое творчество формой психоанализа, самоанализа, погружала себя и своего зрителя в глубины подсознательного.

Мона Хатум (род. в 1952 г.) – британская художница палестинского происхождения, остро реагирующая в своем творчестве на глобальные мировые проблемы. Ее работы, созданные с помощью различных медиа (инсталляции, видео-арт, реди-мейд, видеоинсталляции) являются рефлексией на темы насилия, угнетения, социального неравенства и др. Основной характеристикой художественного языка Моны Хатум стало превращение знакомых повседневных предметов (кухонная терка, коврик перед дверью и др.) в чуждые и пугающие вещи, вызывающие желание и отвращение, противопоставляющие красоту и уродство. Использование утилитарных узнаваемых вещей – метод реди-мейд ввел в художественную практику еще Марсель Дюшан. Объекты, созданные для других целей, переходя в контекст искусства, приобретают иные смыслы. Так, в инсталляции «Место для сна» (2008 г.) простая терка для сыра, увеличенная в размерах, напоминает кровать в тюрьме – месте изгнания, моральных и физических пыток, одиночества и, возможно, для кого-то последнего единственного места прибежища. Кровать из места для отдыха и любви превратилась в место наказания и пыток. Увеличенные лезвия терки заставляют зрителя на физическом уровне ощущать инсталляцию и настороженно относиться к обыденным вещам.

В искусстве одной из самых неоднозначных инсталляций стала работа «Моя кровать» (1999) художницы *Трейси Эмин*. Это авторская интерпретация, манифест свободы и независимости: моя кровать, моя территория, и на ней не действуют принятые нормы. Трейси Эмин представила неубранную постель, на которой разбросаны личные вещи, предметы домашнего обихода, остатки еды, ночной жизни, бытового мусора. Художница в одном из интервью говорила о том, что провела в этой кровати несколько дней в депрессии. Инсталляцию номинировали на премию Тернера, но Трейси ее не получила, тем не менее, художница стала знаменитой, а произведение современного искусства «Моя кровать» в 2001 г. отправилось в коллекцию Чарльза Саатчи – всемирно известного коллекционера современного искусства.

В 2019 г. в лондонской галерее «White Cube» состоялась выставка Эмин Трейси «Две недели слез». На ней художница среди других своих работ представила 50 селфи-автопортретов, сделанных на кровати в период бессонницы. Серия автопортретов напоминает серию работ Энди Уорхола с поп-дивой Мерлин Монро. Если Уорхол

показывал момент разрушения и стирания образа знаменитости в массовой культуре, то Эмин Трейси, наоборот, в период бессонницы пытается обозначить себя на «физическом уровне», запечатлеть «как материальную субстанцию» в том состоянии, в котором человек испытывает изменение сознания, теряет ощущение времени и физически истощается.

В раннем биографическом фильме «Что я чувствую?» (1996) Эмин Трейси на камеру рассказала о пережитых травмах жизни, аборте в ранней юности, сложных взаимоотношениях в семье между родителями. Искусство, по мнению художницы, должно быть тесно связано с жизнью художника, а не делаться только ради искусства.

Алисия Кваде (род. в 1979 г.) – польская художница, автор скульптуры-инсталляции «Созвездие» (2020). Работа представляет собой огромную кровать, на которой еще «теплится» постельное белье. Над кроватью висят два камня-булыжника и складывается впечатление, что они могут упасть на человека, если на кровати будут активно ворочаться. Художница поднимает вопросы хрупкости мира, незащищенности человека, даже в собственной кровати. Кровать – это предмет мебели, неотъемлемый элемент дома, уюта, тепла, а нависающие над ней камни, зажатые в железные конструкции, выступают как предметы надвигающейся угрозы, и кровать становится хрупкой. От греческого слова дом происходят слова экономика и экология. В своей инсталляции «Созвездие» Алисия Кваде поднимает вопросы о проблемах экологического кризиса, экономического кризиса. Надо отметить, что среда, в которой экспонируется инсталляция, играет значимую роль в понимании инсталляции. Произведение Алисии Кваде «Созвездие» экспонировалось в пространстве музея, сада, берега моря, что влияло на прочтение инсталляции зрителем и т. д. Основная мысль, которую художница передает через инсталляцию, – «Как можно обрести покой в своем доме, на своей кровати, если в мире становится так беспокойно?».

Кровать как квинтэссенция событий, пустая кровать – уже как попытка посмотреть «сверху», отсоединиться, рационализировать, освободиться от личностных фобий и страхов и попытаться осмыслить экзистенциальные проблемы.

На вызовы современного времени искусство как часть культуры реагирует быстро, да и сама сфера художественной культуры трансформируется и видоизменяется. Стремительно меняющийся мир обрекает человека на страх, одиночество, экзистенциальный кризис и заставляет искать точки опоры в повседневности. Кровать в творческом наследии Фриды Кало, Луиз Буржуа, Моны Хатум, Алисии Кваде является местом, где написаны их автобиографии. Это не просто часть интерьера, а территория преобразования детских страхов, иллюзий, воспоминаний, место мифологизации личных и общественных событий.

В. А. Горбач

УДК 070.41+811.161.3'42

Кафедра медыялінгвістыкі і рэдагавання, факультэт журналістыкі, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

ДЫЯХРАНІЧНЫ ЗРЭЗ ТЫПОВЫХ МЕТАНІМІЧНЫХ ПЕРАНОСАЎ У МЕДЫЯМАЎЛЕННІ

У артыкуле аналізуюцца прыклады газетнай метаніміі ў дыяхранічным аспекце. Разглядаюцца найбольш тыповыя пераносы па сумежнасці. Мэта даследавання – вызначыць спецыфіку семантычных пераносаў у медыятэксце на падставе прыкладаў з перыядычных выданняў Беларусі XX і XXI стагоддзяў.

Ключавыя словы: метанімія, віды пераносаў, дыяхранія, мова СМІ.

Узор цытавання: Горбач, В. А. Дыхранічны зрэз тыповых метанімічных пераносаў у медыямаўленні / В. А. Горбач // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 29–34.

V. Horbach

Department of Medialinguistics and Editing, Faculty of Journalism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

DIACHRONIC CROSS-SECTION OF TYPICAL METONYMIC HYPHENATIONS IN MEDIA SPEECH

The article analyzes examples of newspaper metonymy in a diachronic aspect. The most typical adjacency transfers are considered. The purpose of the study is to determine the specifics of semantic transfers in the media text on the basis of periodicals of Belarus of the XX and XXI centuries.

Keywords: metonymy, types of hyphenation, diachronic, media language.

For citation: Horbach, V. Diachronic cross-section of typical metonymic hyphenations in media speech. *Sophia*. 2022;1:29–34. Belarusian.

Аўтар:

Вольга Аляксандраўна Горбач – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры медыялінгвістыкі і рэдагавання факультэта журналістыкі БДУ.

gorbach_olga@mail.ru

Author:

Volha Horbach – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Stylistics and Literary Editing of the Faculty of Journalism, BSU.

Функцыянаванне метанімічных мадэлей у тэкстах СМІ сучаснасці і мінулага нераўназначнае. Разам з тым некаторыя з відаў семантычнай сумежнасці, напрыклад: *краіна – улада, установа – супрацоўнікі, месца – насельніцтва*, прыстунічаюць у публіцыстычным маўленні нязменна.

Трапеічныя канструкцыі падмацоўваюць характарыстыку метаніміі «як сродку сімвалічнага ўяўлення рэчаіснасці ўмоўна перадаваць фрагменты Сусвету ... і адлюстроўваць складаныя з’явы праз простыя і дакладныя знакі, якія ўжываюцца для вызначэння абагуленых аб’ектаў і з’яў высокай ступені адцягненасці» [4, с. 16].

Так, перанос *краіна – улада* праглядаецца ў дыяхранічна розных журналісцкіх тэкстах: «*Фінляндзкі Сэнат* прыказаў губэрнаторам глядзець добра за войскам, каб рэволюцыя не дайшла да яго» (Наша Доля, 27 вер., 1906); «З прычыны таго, што *Японіі* цяжка будзе нанесці смяротны удар па *Савецкім Саюзе*, шляхам вайны на савецкім Далёкім Усходзе, адным з галоўнейшых момантаў нашай вайны павінна быць стратэгічная прапаганда» (Калгаснік Капыльшчыны, 15 сак., 1932); «Однако большим минусом для *Германии* является тот факт, что *Советский Союз* в этой войне оказался много сильнее, чем старая царская *Россия* в прошлой войне» (За Советскую Беларусь, 29 лют., 1944); «*ЗША* спрабавалі тады захапіць востраў пры дапамозе *Японіі*» (Калгаснік Капыльшчыны, 30 сак., 1955); «*Франция* готовится принять участие в боевых действиях на севере *Чада*, находящегося под контролем Переходного правительства национального единства» (Советская Беларусь, 6 янв., 1987); «*Беларусь*, як вядома, і цяпер рыхтуе для *Індыі* спецыялістаў, але міністр выказаў зацікаўленасць у пашырэнні падрыхтоўкі нацыянальных кадраў у ВНУ Беларусі» (Звязда, 2 вер., 1997); «*Беларусь* падтрымлівае імкненне сербаў адстойваць тэрытарыяльную цэласнасць краіны» (Звязда, 29 лют., 2008); «*Эдинбург Лондону*: встретимся в суде! Чем лучше *Великобритания* чувствует себя вне *ЕС*, тем больше вдохновляет шотландцев этот пример» (СБ. Беларусь сегодня, 14 мая, 2021).

У маўленні журналістаў праз асацыятыўны рад лексем (*краіна – улада* (дзеянне ўлады на ўмацаванне краіны, соцыума ў ёй)) не толькі адлюстроўваецца далучанасць да праблем знешняй палітыкі і дзейнасці ўладных органаў, але і сцвярджаецца ўласцівасць беларускага народа самаідэнтыфікавацца праз супастаўленне сябе з іншымі этнасамі. Уключэнне сумежнасці *краіна – улада* ў тэксты СМІ дае падставы меркаваць пра актыўнае ўключэнне грамадства ў палітычныя працэсы, паколькі «публічная камунікацыя як рух сэнсаў у сацыяльным часе і прасторы ажыццяўляецца не сінгулярна, а ў адпаведнасці з камунікатыўнымі патрабаваннямі, якія дзейнічаюць на асабовым, групавым і грамадскім узроўнях» [5, с. 72].

Не менш трывалае месца сярод метанімічных пераносаў паводле частотнасці ўключэння ў публіцыстычныя тэксты розных гістарычных перыядаў займае семантычная сумежнасць *установа – супрацоўнікі*. Сведчаннем гэтага з’яўляюцца наступныя прыклады: «*Крэсцьянски банк* дастаў права пазычыць мужыкам грошы пад залог надзельнай зямлі» (Наша ніва, 1 вер., 1906); «*Маладняк* прыняў гэты заклік вялікага паэта. *Маладняк* імкнуўся і імкнецца безупынна да далейшага пашырэння ідэй камунізму ва ўсім свеце» (Аршанскі Маладняк, № 1, 1925); «*Калгас імя Лекерта* паказвае прыклад таго, як трэба рыхтавацца да сяўбы» (Калгаснік Капыльшчыны, 24 студз., 1932); «*Кансервавы і мясны камбінат* асвоілі новы асартымент прадукцыі, неабходнай для снабжэння арміі» (Совецкая Беларусь, 5 студз., 1942); «*Тэатр імя Я. Коласа* ўзбагаціў

свой рэпертуар карысным для савецкага глядача спектаклем, які мае ідэйную варта-сць і сур'эзнае выхаваўчае значэнне» (Звязда, 25 чэрв., 1950); «*Беларуская дзяржаўная філармонія* наладзіла канцэрт-лекцыі ў Віцебску і Гомелі» (ЛіМ, 4 студз., 1960); «*Беларускае тэлебачанне* стварае немала музычных фільмаў» (ЛіМ, 26 снеж., 1980), «*“Забудова”* працягвае руку» (Звязда, 17 снеж., 1991); «*Міжнародная федэрацыя футбольных асацыяцый* падцвердзіла свой намер выключыць зборную Іспаніі з ліку ўдзельнікаў чэмпіянату Еўропы – 2008» (Звязда, 29 лют., 2008); «*МЧС* расказаў о последствиях ветра 3 мая» (Шлях перамогі, 4 мая, 2021).

Адзначаны тып метаніміі ўласцівы розным па тэматычным нападзенні паведамленням, якія перадаюць факты з дзейнасці супрацоўнікаў розных устаноў, аб'яднанняў, прадпрыемстваў, грамадскіх рухаў. Праз сумежнасць *установа – супрацоўнікі* аўтары ствараюць аб'ектыўна-безасабовыя апісанні сітуацый, калі няма неабходнасці засяроджваць увагу на канкрэтных імёнах. Аднак, як правамерна заўважае даследчыца А. Я. Бадзеева, у газетнай метаніміі «назва ўстановы замест яе супрацоўнікаў выкарыстоўваецца для таго, каб стварыць “эфект факусіроўкі” і надаць большую вагу супрацоўнікам, іх здольнасці выражаць сацыяльна-палітычныя ўстаноўкі ўстановы ў агульным» [1, с. 22].

У публіцыстычных тэкстах традыцыйна назіраецца метанімічны перанос *месца – насельніцтва*. Яго рэалізацыя прасочваецца ў мадэлях тыпу: «Пісаць мы будзем для *вёскі* і бараніць справы вясковых людзёў» (Наша Доля, 1 вер., 1906); «Уся вёска Шапчыцы падпісалася» (Звязда, 5 студз., 1928); «*Бабаўнянскія дарогі* просяць дапамогі» (Калгаснік Капыльшчыны, 10 вер., 1932); «Гарачыя дні творчай працы і аднаўлення перажываюць *гарады і вёскі Смаленскай абласці*, вызваленыя ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» (Советская Беларусь, 12 лют., 1942); «*Масква* развітваецца з А. М. Касыгіным» (Звязда, 23 снеж., 1980); «*Крымская аўтаномія* выбірае рускую мову» (Звязда, 17 кастр., 1997); «Сабралася шмат гасцей, мо, першы раз за свой сталы ўзрост *вёска* вітала адначасова столькі афіцыйных асоб і знакамітасцей» (Малодосць, № 11, 2006); «*Раён* сее лён. Ляхавіччына з'яўляецца адной з нямногіх – па пальцах рукі можна пералічыць – тэрыторыі Брэсцкай вобласці, дзе шчыльна займаюцца льном» (Ляхавіцкі веснік, 10 крас., 2021).

Семантычная сумежнасць *месца – насельніцтва* фіксуецца ў тэкстах СМІ ў шматлікіх тапанімічных назвах. Геаграфія найменняў залежыць ад камунікатыўнай зададзенасці матэрыялу. Калі СМІ з'яўляецца рэспубліканскім, то ў метанімічных канструкцыях найчасцей сустракаюцца айконімы не толькі ўласнабеларускія, але і замежныя. У рэгіянальных СМІ метанімія высокачастотна рэалізуецца ў мікратапонімах. Паводле агульнай тэндэнцыі, якая «дазваляе выявіць адносіны паміж тым, што людзі гавораць і тым, што яны робяць» [6, с. 11], уключэнне семантычнай сумежнасці *месца – насельніцтва* ў газетнае маўленне тлумачыцца прагматычна.

На працягу ўсяго перыяду фарміравання і развіцця беларускай перыёдыкі на маўленні журналістаў адбіваецца ўключанасць беларускага грамадства ў працэс жыццёва-кавання розных этнасаў на канкрэтнай тэрыторыі – гэта, напэўна, абумоўлена фактамі з гісторыі перасяленняў народаў і перадзелу палітычнай карты паміж рознымі дзяржавамі.

Публіцыстычная метанімія можа рэалізоўвацца таксама ў семантычнай сумежнасці *час – падзея*: «*Вечар фізкультуры*. Бабруйскі савет фізкультуры на 24 лютага арганізуе вялікі вечар, прысьвечаны 10-годдзю Чырвонай Арміі, вялікім удзела

рабочай моладзі» (Звязда, 18 лют., 1928); «*Стары год* (1941) астанецца ў нашай памяці як час нашага смутку і гора, якое прынёс нам нямецкі фашызм» (Савецкая Беларусь, 5 студз., 1942); «*Фільмы ў красавіку*» (ЛіМ, 30 сак., 1960); «*Чэхаўскія дні ў рэспубліцы адзначаюцца як выдатнае свята савецкай нацыянальнай культуры*» (Звязда, 2 кастр., 1986); «*Юбілейная вечарына ўвабрала ў сябе лепшыя традыцыі такіх сусветна вядомых свят, як узнагароджанне прэміяй “Оскара” і “Славянскі базар”*» (Настаўніцкая газета, 9 студз., 1998); «*Надзея ў канцы лістапада. Лістапад для правядзення гэтага бенефісу быў абраны нездарма: апроч таго, што восень наогул лічыцца парой паэтычнай, апошні яе месяц часта ўзгадваецца ў вершах Надзеі Артымовіч*» (ЛіМ, 15 лют., 2008); «*“Февральскія музыкальныя вечера”* начнутся сёння в Пінске. Фестываль, ставішы культурным брэндом горада над Піной, праходзіць ужо в 27-й раз» (Вечерний Брест, 11 лют., 2021).

Уключэнне метаніміі *час – падзея* ў тэксты СМІ дапамагае стварыць праўдзівую і даставерную сітуацыю, у якой фіксуецца рэальны падзеі з жыцця герояў паведамленняў. Такая непасрэднасць маўлення аўтара сведчыць пра яго жаданне «гаварыць з чытачом на адной мове» [2, с. 119], і метанімія з’яўляецца дарэчным лінгвістычным элементам у такой сітуацыі.

Часта функцыянаванне семантычнай сумежнасці ў газетных тэкстах мае аказіянальны характар, што ўплывае на ўзнікненне пераносаў: *чалавек – часткі цела ці яго здольнасці; гістарычная асоба – падзеі, якія звязваюцца з ёй; музыка – яе ўспрыманне; рэч, артэфакт – чалавек, звязаны з імі*. Падобныя віды метаніміі ўводзяцца ў тэкст з мэтай стварэння мастацкай выразнасці або ацэнкі пры апісанні суб’ектаў ці аб’ектаў інфармацыі. Напрыклад: «Да адказнасці магільшчыка плянаў засева тэхнічных культур» (Калгаснік Капыльшчыны, 20 чэрв., 1932); «“Самазаводная” спеўная чацвёрка (часам далучаўся і раяль) уразіла і заўзятым выкананнем джазавых стандартаў, і густоўным ператварэннем беларускага фальклору (“Там, каля млыну”)» (ЛіМ, 28 ліст., 1997).

У адрэзках маўлення «Бляск і галеча “*іншамарак*” або некалькі штрыхоў з жыцця мільянераў» (Звязда, 23 кастр., 1991); «“*Кодак*” – з паўстанцкай падсветкай» (Маладосць, № 11, 2006) лексемы *іншамаркі*, «*Кодак*» з’яўляюцца прыкладамі семантычнай сумежнасці *рэч – чалавек, звязаны з гэтымі рэчамі*, дзе метанімія выконвае ацэначную функцыю.

Назіраюцца ў тэкстах СМІ метанімічныя канструкцыі, пабудова якіх напаўняе паведамленне іранічным, часам нават саркастычным гучаннем: «Як таго і трэба было чакаць, *Камароўка*, сустрэла шчыльнай людскай сцяной, самым нечаканым асартыментам, адборным матам і чарговым павышэннем цэн» (Звязда, 15 ліст., 2001); «*Нарабіла футра шуму. У час спектакля ў адной з актрыс тэатра ўкралі футравае паліто*» (Звязда, 18 снеж., 2005). Лексемы *Камароўка*, *футра* змяшчаюць у пераносным значэнні інфармацыю пра людзей, якія звязаны з гэтымі найменнямі. Метанімія спрыяе не толькі эканоміі маўленчых намаганняў (замене складанаэлементнай апісальнай канструкцыі), але і павышае экспрэсіўную афарбаванасць тэксту.

Метаніміі ўласцівы дакладны набор відаў пераносаў. Гэта абумоўліваецца тым, што «тэксты СМІ дазваляюць меркаваць не толькі пра ўзровень маўленчай культуры ў канкрэтны перыяд. Прэса як частка масавай камунікацыі распаўсюджвае густ, жыццёвыя прырытэты, паводзіны, у тым ліку і маўленчыя» [3, с. 67].

Характар уключэння метаніміі ў структуру публіцыстычнага тэксту рознага перыяду вызначаецца некаторымі асаблівасцямі, якія могуць вылучацца эвалюцыяй газетных жанраў і манерай падачы інфармацыйнага матэрыялу, выразна выражаюцца пры правядзенні дыскурснага аналізу метаніміі як складніка камунікатыўнай з’явы. У рэчышчы лінгвістычных даследаванняў дыскурснага аналізу СМІ назіраецца неаднастайнасць у відах метаніміі на розных этапах развіцця беларускай перыёдыкі. Так, напрыклад, тэкстам пачатку XX ст. найбольш уласцівы семантычныя пераносы **ўстано́ва – супрацоўнікі; месца – насельніцтва**, што сведчыць пра этна-псіхалагічную культураспецыфічнасць і сацыяльную абумоўленасць інфармацыйных матэрыялаў. Тэксты СМІ перыяду Вялікай Айчыннай вайны насычаны інфармацыяй пра знешнюю палітыку, жудасныя факты нямецкага фашызму, ваенныя падзеі разглядаюцца праз прызму ўчынкаў палітыкаў, грамадскіх дзеячаў, звяртаецца ўвага на тэрытарыяльнае размяшчэнне народаў у межах той ці іншай краіны, прапагандуюцца ідэі патрыятызму. Гэта ўсё трансфармуецца ў маўленні аўтараў і фіксуецца ў метанімічных пераносах: **краі́на – ула́да; месца – насельніцтва; устано́ва – супрацоўнікі; гі́старычная асо́ба – падзеі, учы́нкі**. У газетным маўленні 60–80 гадоў XX ст. з’яўляецца шмат інфармацыі, у якой беларускі соцыум апісваецца праз факты з развіцця народнай гаспадаркі, культуры, навукі. Таму тыповымі можна лічыць наступныя віды семантычнай сумежнасці: **ўстано́ва – супрацоўнікі; краі́на – ула́да; месца – насельніцтва; час – падзеі; сфера дзейнасці грамадства – яе прадстаўнікі; галі́на ведаў – яе прадстаўнікі**. Публікацыям перыяду 90-х гадоў XX ст. уласціва тэндэнцыя да апісання падзей знешняй і ўнутранай палітыкі, фіксацыі змен у грамадстве паводле выяўлення розных сацыяльных, этнічных, рэлігійных і іншых груп. У метаніміі гэта рэалізавалася ў пераносах: **краі́на – ула́да; устано́ва – супрацоўнікі; месца – сацыяльныя групы насельніцтва; чалавек – этнас**.

Сучасным выданням характэрны метанімічныя канструкцыі, у якіх робяцца акцэнт на дзейнасці дзяржавы ў знешняй і ўнутранай сферах, вызначэнні самаідэнтыфікацыі беларусаў; звяртаецца ўвага на захаванне культурнай спадчыны народа і духоўных якасцей высакаразвітай асобы, здольнай супрацьстаяць маніпулятыўнаму інфармацыйнаму патоку. Метанімія рэалізуецца на семантычнай сумежнасці: **краі́на – ула́да; устано́ва – супрацоўнікі; чалавек – радзі́ма; месца – насельніцтва; месца – гі́сторыя гэтага месца; мерапрыемства – падзеі; чалавек – часткі цела; музыка – яе выкананне**.

Такім чынам, метанімія з’яўляецца фэнаменальным лінгвістычным складнікам дыскурснага аналізу СМІ, праз які даследуюцца не толькі ўнутраныя маўленчыя асаблівасці публіцыстыкі, але і экстралінгвістычнае ўладкаванне інфармацыйнага патоку сучаснасці.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Бадеева, Е. Я. Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Я. Бадеева. – Владивосток, 2004. – 28 с.
2. Королева, О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления / О. Э. Королева. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. – 158 с.

3. *Сметанина, С. И.* Медiateкст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
4. *Токмаков, А. Н.* Метонимия как средство прагматического воздействия (на материале французской кинокритики): автореф. ... дис. канд. филол. наук / А. Н. Токмаков. – М., 2000. – 23 с.
5. *Трунов, А. А.* Технологии «ПАБЛИК РИЛЕЙШИЗ» в трансформирующейся цивилизации модерна / А. А. Трунов, Е. И. Черникова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 264 с.
6. *Якимович, М. В.* Дискурсивный анализ в практике социокультурных взаимодействий: автореф. дис. ... канд. социолог. наук / М. В. Якимович. – М., 2004. – 29 с.

Н. М. Шапран

УДК 001.32

Кафедра гісторыі беларускай літаратуры, філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

ЖАНОЧАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ АЙЧЫННАЙ ГУМАНІТАРЫСТЫКІ: ПА СТАРОНКАХ ЧАСОПІСА «РОДНАЕ СЛОВА»

У артыкуле разглядаецца жаночая прысутнасць у беларускай гуманітарыстыцы на прыкладзе публікацый у навуковым і метадычным часопісе «Роднае слова».

Ключавыя словы: часопіс «Роднае слова», гуманітарныя навукі, жанчына-навуковец, гендарны складнік.

Узор цытавання: Шапран, Н. М. Жаночае ўвасабленне айчыннай гуманітарыстыкі: па старонках часопіса «Роднае слова» / Н. М. Шапран // *София: электрон. науч.-просветит. журн.* – 2022. – № 1. – С. 35–39.

N. Shapran

Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

WOMEN'S EMBODIMENT OF THE NATIONAL HUMANITIES: ON THE PAGES OF THE JOURNAL "RODNAYE SLOVA"

Women's presence in the Belarusian humanities on the example of publications in the scientific and methodological journal "Rodnaye slova" is considered in the article.

Keywords: The journal "Rodnaye slova", humanities, female scientist, gender.

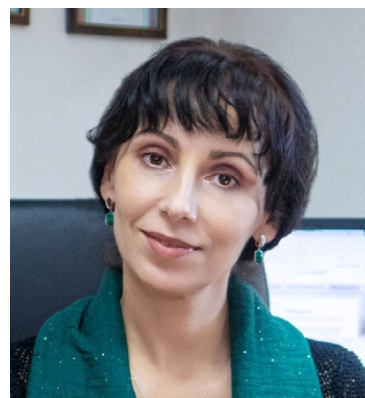
For citation: Shapran N. Women's embodiment of the national humanities: on the pages of the journal "Rodnaye slova". *Sophia*. 2022;1:35–39. Belarusian.

Аўтар:

**Наталія Мікалаеўна
Шапран** – галоўны рэдактар
часопіса «Роднае слова».
zaharanka@gmail.com

Author:

Natalla Shapran – the editor-in-chief of the journal
"Rodnaye slova".

«Роднае слова» – адно з найстарэйшых навуковых і метадычных выданняў Беларусі. Фармат і традыцыі, запачаткаваныя амаль трыццаць пяць гадоў таму, прадвызначылі адметнае месца часопіса ў гісторыі айчыннай гуманітарыстыкі. Не адно пакаленне даследчыкаў, найперш філолагаў, успрымае «Роднае слова» як аўтарытэтны сродак камунікавання навуковай грамадскасці.

Сёння панарама публікацый часопіса за перыяд існавання дае выразнае ўяўленне пра агульны ўзровень, школы, напрамкі, тэндэнцыі, пошукі і здабыткі ў сферы

беларускага літаратуразнаўства і мовазнаўства, педагагічных навук (тэорыя і методыка навучання беларускай мове і літаратуры), мастацтвазнаўстве і культуралогіі. Гэтаму спрыяе статус часопіса, уключанага ў Пералік выданняў Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь для друкавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па названых спецыяльнасцях.

Зместавае напаўненне часопіса «Роднае слова» ўвасабляе практычна ўсе іпастасі сучаснай філалогіі і, дзякуючы шырокай аўтарскай прадстаўленасці, можа служыць матэрыялам для аналізу яе шматлікіх аспектаў. Сярод іх – унёсак навукоўцаў-жанчын у сённяшнюю беларусістыку.

Даследаванне гендарнага складніка паступова робіцца значнай часткай большасці сацыяльных і гуманітарных навук. У іх аснове, як правіла, ляжыць супастаўленне пэўных колькасных паказчыкаў. Так, напрыклад, паводле Цэнтра маніторынгу міграцыі навуковых і навукова-педагагічных кадраў Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук, «развіццё беларускай навукі характарызуецца шырокай прадстаўленасцю жанчын у яе кадравым патэнцыяле. У цэлым па краіне яны складаюць 39 % ад колькасці даследчыкаў. Доля жанчын сярод кандыдатаў навук – 43,6 %. Пастаянна расце іх колькасць сярод дактароў навук – сёння гэта 19,9 %. Доля жанчын сярод даследчыкаў ва ўсіх галінах навукі, за выключэннем тэхнічных, перавышае 50 %. Больш за ўсё яны прадстаўлены ў кадравым складзе медыцынскіх навук (69,6 %). А ў кадравым складзе тэхнічных навук пераважаюць мужчыны (жанчыны-даследчыкі ў іх складаюць 28 %)» [1].

Вядома, падобны аналіз складу аўтараў «Роднага слова» не будзе аб'ектыўна адлюстроўваць рэальную прысутнасць жанчын у сферы гуманітарных навук, бо часопіс не адзіная пляцоўка ў сістэме ВАКаўскіх выданняў. Разам з тым паказальна, што на працягу яго існавання доля навуковых публікацый, якія належаць жанчынам, застаецца практычна нязменнай і складае каля 70 % ад агульнай колькасці надрукаваных артыкулаў. Паказальна, што гэтая суаднесенасць застаецца актуальнай у дачыненні да ўсіх тэматычных раздзелаў часопіса, якія, у сваю чаргу, рэалізуюць так званы ВАКаўскі статус па згаданых вышэй навуковых спецыяльнасцях.

Такая прадстаўленасць навукоўцаў-жанчын у «Родным слове» выглядае надзвычай аптымістычна, пры тым, што іх сапраўдны ўнёсак у навуку і даследчая значнасць вымяраюцца не толькі пераможнымі лічбамі. Сотні часопісных публікацый на працягу амаль трох дзесяцігоддзяў фіксавалі ўпэўненае станаўленне даследчыц, шырыню іх навуковых зацікаўленняў, подступы да адкрыццяў, распрацоўку новых кірункаў і фарміраванне навуковых школ.

Маштаб постацей многіх аўтараў «Роднага слова» і нават павярхоўны агляд зробленага імі прымушаюць забыцца на колькасныя паказчыкі і гендарную прыналежнасць. Пералічыць усіх жанчын-навукоўцаў тут немагчыма, таму згадаем толькі некаторых, каб на іх прыкладзе акрэсліць тыя сферы гуманітарных ведаў, у якіх яны заявілі сябе на старонках часопіса.

Звернем асабліваю ўвагу на імёны тых, чые роднаслоўскія публікацыі, як правіла, былі апрабацыйны матэрыялаў кандыдацкай або доктарскай дысертацый, сталі асновай надрукаваных пазней манаграфій, на якія абапіраюцца наступныя пакаленні даследчыкаў. Акрамя гэтага, прыем да ўвагі запатрабаваў прац у асяроддзі педагогаў-славеснікаў (у тым ліку аўтараў метадычных распрацовак урокаў і пазакласных мерапрыемстваў), што пацвярджае практычны патэнцыял артыкулаў.

Менавіта гэтай вартасцю вызначаюцца публікацыі ў «Родным слове» доктара філалагічных навук *Таццяны Шамякінай*, якія друкаваліся на мяжы стагоддзяў у раздзелах «Філалогія», «Міжпрадметныя сувязі», «Культура Беларусі», «На ростанях» і ўспрымаліся тагачасным чытачом як адкрыццё і своеасаблівы ключ да спасціжэння нацыянальнай міфалогіі і еўрапейскай культуры. Сістэмная падача і энцыклапедычная распрацаванасць матэрыялаў, што выходзілі цыкламі на працягу не аднаго года, спрыялі іх актыўнаму выкарыстанню шырокім колам чытачоў.

Сталым аўтарам «Роднага слова» доўгі час заставалася даследчыца літаратурнага працэсу ХХ ст. кандыдат філалагічных навук *Любоў Гарэлік* – аўтар творчых партрэтаў А. Звонака, П. Труса, Максіма Танка, А. Куляшова, П. Панчанкі, Я. Янішчыц, С. Грахоўскага, Н. Гілевіча, Р. Барадуліна, Г. Бураўкіна, В. Зуёнка і іншых пісьменнікаў. На гэтыя публікацыі і сёння актыўна спасылаюцца настаўнікі беларускай літаратуры ў метадычных распрацоўках урокаў, прысвечаных жыццю і творчасці названых літаратараў.

Кандыдат філалагічных навук *Таіса Грамадчанка* дзялілася з чытачамі часопіса ўласным прачытаннем твораў В. Таўлая, І. Чыгрынава, В. Адамчыка, Алеся Салаўя, Л. Дайнекі, А. Жука, Г. Далідовіча, І. Пташнікава і інш. Гэты досвед літаратуразнаўцы выявіўся ў тым ліку ў кнігах «Перад праўдай высокай і вечнай: Беларуская проза сёння» (1991), «Беларуская літаратура. Школьныя творы: Кароткі змест і аналіз» (2000) і інш.

Шмат гадоў часопісны раздзел «Літаратура і час» не абыходзіцца без даследчыцкага слова доктара філалагічных навук *Святланы Калядкі*. У шырокім коле яе навуковых зацікаўленняў вылучаецца тэма жаночай паэзіі, у прыватнасці Я. Янішчыц, Н. Мацяш, Р. Баравіковай, а таксама асэнсаванне творчасці Максіма Танка.

Цікавы вопыт супрацоўніцтва часопіса з кандыдатам філалагічных навук *Ірынай Бароўскай*, даследчыцай беларускай песеннай лірыкі. Цыкл яе публікацый пачатку 2000-х гг., прысвечаных песеннай творчасці плеяды аўтараў, вырас да манаграфічнага выдання «Пад зоркаю кахання і любові: творчыя партрэты майстроў беларускай песеннай лірыкі» (2008).

Адметнае месца сярод літаратуразнаўчых матэрыялаў «Роднага слова» апошніх дзесяцігоддзяў займаюць артыкулы кандыдатаў філалагічных навук *Евы Лявонавай* і *Галіны Сінілы*. Асэнсоўваючы творы замежнай літаратуры і старажытнае біблейнае слова, яны набліжаюць да сучаснага чытача гэтыя пласты сусветнай культуры.

Сёння айчыннае літаратуразнаўства на старонках часопіса прадстаўляюць яго сталыя аўтары дактары філалагічных навук *Анжэла Мельнікава* і *Ванда Бароўка*, кандыдаты філалагічных навук *Таццяна Вабішчэвіч*, *Ірына Лапцёнак*, *Ганна Крофта*, *Ірына Шматкова* і многія іншыя. Дзякуючы ім выкладчык-філолаг далучаецца да актуальных падзей у навуковым свеце і трансліруе яго адкрыцці навучэнцам, напаўняючы новым гучаннем традыцыйныя падыходы ў засваенні як класічнай літаратурнай спадчыны, так і сучаснага пісьменства.

Надзвычай паказальна выглядае часты зварот даследчыц да «жаночага пытання» як да аб'екта навуковага спасціжэння. У якасці прыкладу згадаем толькі некалькі публікацый апошніх гадоў гэтага кірунку: «Кветкі ў вобразнай палітры Еўдакіі Лось: інтэнцыі і тэндэнцыі» В. Бароўкі; «“Чароўная дама ці рыцар у спадніцы?”: Вобраз жанчыны ў паэзіі і прозе Людмілы Рублеўскай» Н. Адамовіч і Т. Карпечынай; «“Жаночае пытанне” ў творчасці Элізы Ажэшкі: На прыкладзе аповесці “Хам”» С. Ганчар; «“Жанчына без

жаночкай долі...” Жыццёвы і творчы шлях Еўдакіі Лось» І. Шматковай; «Традыцыйны стрэатып маці ў беларускамоўнай карціне свету» В. Жызнеўскай; «“Я ўсім у жыцці абавязаны маці”: вобраз жанчыны ў творчасці Івана Чыгрынава» Т. Грамадчанкі і многія іншыя.

Гендарныя праблемы ў беларускай літаратуры ХХ ст. даследаваліся ў кандыдацкай дысертацыі *Тацяны Фіцнер*, а на старонках «Роднага слова» тэма прадстаўлена наступнымі артыкуламі аўтара: «Праблема гендарных узаемаадносін у творчасці класікаў беларускай літаратуры ХХ стагоддзя», «Праблематызацыя жаночай экзистэнцыі ў рамана “Садомская яблыня” Алены Брова», «Гендарны аналіз на ўроках беларускай літаратуры: На прыкладзе трылогіі Якуба Коласа “На ростанях”», «Жаночыя вобразы рамана Валянціны Коўтун “Крыж міласэрнасці” праз прызму “жаночага чытання”: вобраз Цёткі», «Жаночыя вобразы рамана Валянціны Коўтун “Пакліканыя” праз прызму “жаночага чытання”».

Даследчыцы-мовазнаўцы плённа супрацоўнічаюць з выданнем, творча падтрымліваючы яго змястоўны фармат. Публікацыі ў раздзеле «Мовы рысы непаўторныя» выступаюць у якасці апрабаванні матэрыялаў будучых навуковых дысертацый, маюць практыкаарыентаваны характар і запатрабаваныя ў чытачоў, бо даюць адказы на іх актуальныя запыты ў сферы правапісу, культуры маўлення і г. д. Усе лінгвістычныя раздзелы, ад фанетыкі да сінтаксісу, прадстаўлены яркімі асобамі навукоўцаў, чый аўтарытэт даўно прызнаны ў свеце акадэмічнай навукі.

Адным з такіх аўтарытэтаў была доктар філалагічных навук *Валянціна Лемцюгова*, чые публікацыі, прысвечаныя праблемам лексікалогіі, лексікаграфіі, анамастыкі, займаюць ґрунтоўнае месца ў мовазнаўчай бібліятэцы «Роднага слова».

Доктар філалагічных навук *Вольга Ляшчынская* – аўтар шматлікіх артыкулаў, звязаных з пытаннямі лексікалогіі і фразеалогіі сучаснай беларускай мовы, стылістыкі і культуры маўлення, анамастыкі, лінгвадыдактыкі і лінгвакультуралогіі.

Актыўна выступае на старонках часопіса з даследаваннямі праблемных аспектаў беларускай тапаніміі і анамастыкі доктар філалагічных навук *Ірына Гапоненка*. Асабліва запатрабаваныя яе працы, што акрэсліваюць прысутнасць беларускай мовы ў інтэрнэт-прасторы.

Традыцыйна вялікая колькасць артыкулаў, прысвечаных беларускай фразеалогіі, сведчыць пра асаблівую даследчыцкую ўвагу да гэтага раздзела айчыннай лінгвістыкі. Сярод найбольш актыўных аўтараў прац па гэтай тэме можна згадаць кандыдатаў філалагічных навук *Анжэліку Садоўскую*, *Святлану Масленікаву* і інш.

Статус «Роднага слова» як метадычнага выдання рэалізуецца праз публікацыі раздзела «Методыка і вопыт». Колькасць аўтараў-жанчын, якія выступаюць у ім, традыцыйна перавышае сярэдняю колькасць даследчыц у іншых раздзелах часопіса. Гэта і зразумела – беларускай мове і літаратуры ў школе навучаюць пераважна жанчыны. Методыка выкладання гэтых дысцыплін – аб’ект навуковай увагі сталых аўтараў «Роднага слова», чые артыкулы вызначаюць высокую ступень распрацаванасці названай сферы.

У «Родным слове» прайшла апрабаванне матэрыялаў кандыдацкай, а пазней і доктарскай дысертацыі па тэорыі і методыцы навучання літаратуры (пакуль адзінай у Беларусі) *Вольгі Праскаловіч*.

Новыя перспектывы для методыкі навучання беларускай мове акрэслілі даследаванні дактароў педагагічных навук *Ганны Валочкі* і *Вольгі Зеланко*.

Выключным практычным патэнцыялам валодае шматгадовае супрацоўніцтва выдання з кандыдатамі філалагічных навук *Марынай Рэжавуцкай* і *Святланай Мароз*.

Увасабленню культурацэнтрычнага прынцыпу пры выкладанні беларускай мовы і літаратуры прызначаны матэрыялы з часопіснага раздзела, які сёння мае назву «Нацыянальная і сусветная культура». Менавіта праз яго тэматычную разнастайнасць у 1990-я гг. за «Родным словам» замацавалася вызначэнне «энцыклапедыі беларускай культуры». Паводле сведчанняў многіх чытачоў, іх нацыянальнае самаўсведамленне адбывалася пад уплывам унікальных цыклаў публікацый айчынных мастацтвазнаўцаў, фалькларыстаў, культуролагаў.

Так, пра сакральнае беларускае дойлідства не адно дзесяцігоддзе пісала доктар мастацтвазнаўства *Тамара Габрусь*; кінамастацтва даследавалі дактары мастацтвазнаўства *Вольга Нячай* і *Наталля Сцяжко*; з шэдэўрамі выяўленчага мастацтва знаёмілі доктар мастацтвазнаўства *Надзея Высоцкая*, кандыдаты мастацтвазнаўства *Галіна Горава*, *Аксана Коўрык* і інш.

Надзвычай адметная прысутнасць на старонках «Роднага слова» даследчыц беларускага фальклору, якія вывучаюць і асэнсоўваюць вусную народную спадчыну ў кантэксце сусветнай культуры. Сярод найбольш аўтарытэтных аўтараў згадаем дактароў філалагічных навук *Ірыну Казакову*, *Таццяну Валодзіну*, кандыдата філалагічных навук *Анастасію Гулак* і інш.

Сацыякультурны аналіз гендарнай раўнавагі, прынамсі, у навуцы, увогуле вызначае месцазнаходжанне грамадства на яго цывілізацыйным шляху. У гуманітарна-мастацкай галіне «жаночае пытанне» мае яшчэ і прадметна-культуралагічны сэнс. У адрозненне ад вытворчага «аскетычнага» кодэкса, што існуе ў прыродазнаўчых навук, «пачуццёвы» складнік у мастацкай творчасці і ў навуковай рэфлексіі на яе адпгрывае сутнасную ролю. Своеасаблівае вытанчанасць «жаночага падыходу» дазваляе раскрыць дадатковыя ракурсы мастацка-навуковай праблемы, а навуковая карціна свету набывае бінарнасць, немагчымую пры аднабаковым «мужчынскім» поглядзе. Прынамсі, калі і сапраўды існуе хоць бы эстэтычная розніца паміж жаночым і мужчынскім успрыняццём Слова, то гарманічная суаднесенасць гендарнага прадстаўніцтва ў філалагічнай навуцы павінна даць плён, станоўча адбіцца на якасці навуковага выніку.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Амаль 40 % працэнтаў даследчыкаў у беларускай навуцы – жанчыны [Электронны рэсурс] // БелТА. – Рэжым доступу: <https://blr.belta.by/society/view/amal-40-pratsentau-dasledchykau-u-belaruskaj-navutsy-zhanchyny-96597-2021/>. – Дата доступу: 07.04.2022.
2. Беларускія пісьменнікі на старонках часопіса «Роднае слова»: бібліягр. паказ. / склад.: А. В. Высоцкая [і інш.]. – Мінск: Бел. асац. «Конкурс», 2008. – 256 с.
3. Беларускія пісьменнікі на старонках часопіса «Роднае слова»: (2008–2012) / уклад. А. Канановіч [і інш.]. – Мінск: Рэдакцыя часопіса «Роднае слова», 2013. – 64 с.

Лю Сюаньэр

УДК 398.221(=581)+398.432(=581)

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТА БОЖЕСТВ ВОДЫ И ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗОВ ВОДНЫХ БОЖЕСТВ В КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Водная мифология является важной частью древней традиционной культуры Китая. Через изучение происхождения культа водных богов, в процессе отражения их в народной культуре, и развития подобных образов, в статье исследуется богатый культурный контекст и национальный дух китайской водной мифологии.

Ключевые слова: китайская культура, китайская мифология, поклонение божествам воды, эволюция образов водной мифологии.

Образец цитирования: Лю, Сюаньэр. Возникновение культа божеств воды и изменение образов водных божеств в китайской мифологии / Лю Сюаньэр // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 40–45.

Liu Xuaner

Department of history of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

THE EMERGENCE OF THE CULT OF WATER GODS AND THE CHANGING IMAGE OF WATER GODS IN CHINA

Aquatic mythology is an important part of ancient traditional culture in China. Through the study of the origin and development of the cult of the water gods, the rich cultural subtext and national spirit of water mythology are explored in the process of folk transmission and development.

Keywords: worship of water gods, generation, image chang.

For citation: Liu Xuaner. The emergence of the cult of water gods and the changing image of water gods in China. *Sophia*. 2022;1:40–45. Russian.

Автор:

Лю Сюаньэр – аспирант кафедры истории белорусской литературы филологического факультета БГУ.

liuxuaner213@gmail

Author:

Liu Xuaner – PhD Student of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, BSU.

Китайская цивилизация глубоко коренится в сельскохозяйственной культуре, традиционная экономическая система сельского хозяйства влияет на Китай на протяжении тысячелетий, а оригинальное сельскохозяйственное производство в основном зависит от климата и воды. Именно поэтому культ воды в Китае очень древний. Вода необходима для жизни людей, которые не могут без нее жить и почти ничего производить. Однако в таких особых ситуациях, как, например, наводнения, вода может стать источником бедствий, в этом особом контексте люди зависят как от воды, так и от глубины ее либо созидательной, либо разрушительной силы. Основной причиной поклонения богам воды у древних народов было влияние природного фактора, а также вера в существование духов и колдовство.

В китайскую водную мифологию входят: поклонение природным водоемам, включая поклонение морю, рекам, озерам и другим водным источникам; поклонение животным, связанным с водой, включая поклонение рыбам, змеям, драконам и другим водным животным; поклонение метеорологическим водным божествам, включая поклонение богам дождя, снега, облаков и другим божествам, отвечающим за изменения погоды; поклонение антропоморфным водным богам. Кроме того, в мифологии представлены некоторые призраки и монстры, которые могут перемещать воду.

Изучение образов водных богов как части народных верований не только помогает понять традиционную китайскую культуру и проследить ее истоки, чтобы глубже изучить развитие и изменение фольклора, но и помогает описать древнюю политику и экономику.

В китайской мифологии раскрываются взгляды древних людей на мир, формирование их верований и религиозных представлений. В мифологической картине мира существуют не только природные объекты (небо, солнце, луна и звезды), но и природные объекты (стихийные силы: ветер, дождь, гром, молния, радуга, облака, дымка, вода, огонь; горы, различные животные и растения), которым также поклонялись люди. Вера в богов воды является очень важной частью этой обширной системы верований [1, с. 4–5].

В древние времена люди находились под влиянием мифологического мировоззрения и в быту в значительной степени полагались на воду, причем большинство из них поселилось именно в местах, где воды было много. В крупных сельскохозяйственных странах, в том числе в Китае, на протяжении тысяч лет аграрная экономика оказывала влияние на развитие всей страны.

Одним из самых больших стихийных бедствий, с которым пришлось столкнуться людям, стало наводнение. Древние люди могли только молиться и трепетать перед лицом разрушительной силы стихии. И хотя вода принесла людям много пользы, она также принесла им также и большой вред. В мифологическом сюжете «Нюйва чинит небо», записанном в Хуай Нань Цзы – Лань Мин Сюнь, говорится следующее: «В древние времена четыре столпа неба были разрушены, а девять государств разорваны на части; небеса нельзя было перекрыть, а землю нельзя было перенести; пожары нельзя было потушить, а воды нельзя было восстановить; звери поедали чжуаньцев, хищные птицы захватывали старых и слабых. Поэтому Нува сделал пятицветный камень, чтобы исправить небо, разбил гигантскую морскую черепаху, чтобы создать четыре столба, убил черного дракона, чтобы помочь Цзичжоу, сжег тростник и пепел собрал в кучи, чтобы остановить наводнение» [2, с. 115]. Кроме того, согласно легенде, Отец

Цзю не мог вынести того, что люди пострадали от наводнения, и отправился на небо, чтобы украсть у богов священную землю, не получив приказа от императора. Говорят, что через три года после смерти отца Цзю его тело не разложилось, а его желудок раскололся, и из него родился Дайю» [3, с. 243].

Многие мифы и легенды этнических меньшинств Китая также связаны с наводнениями. Например, в этнических группах буи и мяо на юго-западе Китая считалось, что наводнения были вызваны конфликтом с богом грома. В мифологии народа буи предок человечества Ди Цзинь имел сестру Ди Ин. Однажды мир был затоплен так сильно, что все люди утонули и остались только двое – брат и сестра. Ди Цзинь был вынужден жениться на своей сестре, чтобы воспроизвести человеческий род. После брака сестра родила мясистую массу без носа и глаз. Брат и сестра разрезали эту массу на куски и разбросали повсюду; и там, куда попадали эти куски плоти, стали появляться люди. В мифологии хмонгов говорится о том, что прародитель человечества Цзян Ян вернулся на землю после наводнения, оставив ее нетронутой. Он женился на своей сестре, чтобы размножиться и создавать человеческие существа. После свадьбы они родили плотскую массу, которую Цзян Ян разрубил и разбросал по склону, превратив ее в нынешнего человека [4]. Из этих легенд видно, что наводнение не только нанесло разрушительный ущерб производству и жизни людей, но, что еще более важно, человечество почти вымерло в результате такого бедствия.

Можно сказать, что поклонение богам воды в древние времена возникло из-за зависимости людей от воды и страха перед ней. С постепенным пробуждением человеческого сознания образы водных богов постепенно приобрели антропоморфный облик, их функция сосредоточилась на естественном производстве и жизни, они стали воплощением пожеланий людей, молящихся о мирной жизни, жизни без голода. В результате возникло устойчивое поклонение воде.

Наши предки поклонялись воде как сверхъестественной силе, не имеющей конкретного образа, образной фантазии, которую называли «духом воды». С древних времен люди жили в основном у воды, и множество цивилизаций на протяжении всей истории человечества развивалось благодаря рекам. Поклонение богам воды чаще всего проявлялось в поклонении естественным водоемам: рекам и озерам. Волны и спиральные узоры, изображенные на керамике, раскопанной в культурах Яншао и Мадзяо, являются хорошим примером этого. В особые дни люди молились дождю, останавливали его с помощью ритуалов, таких как песни и танцы, подношения пищи или жертвования.

По мере того, как люди все больше постигали природные явления, поклонение богам воды также развивалось и постепенно стало формализованным. Отсутствие осязаемого «духа воды» было заменено поклонением племенным вождям и героическим человеческим богам. Поскольку вода существовала в различных формах, то появились и различные боги воды: Тянь Ву, Гунгун и Цзи Мэн. В «Шаньхайцзин» написано: «У бога воды Тянь Ву человеческое лицо, восемь голов, восемь ног и восемь хвостов, а также большое зеленовато-желтое тело» [5, с. 60]. В «Шэньицзин-Сибэйхуанцзин» сообщается: «На северо-западе чудовище с человеческим лицом, телом змеи и человеческими руками и ногами называется Гунгун» [6, с. 243]. В «Цзо чжуань» – записках о семнадцатом годе правления князя Чжао, говорится: «Клан Гунгун был семьей водных целителей, и легенды клана Гунгун в основном связаны с водой, а самого Гунгуна называют богом воды» [7, с. 1496]. Новый бог воды Сюаньмин, унаследовавший божественные формы Цзю и Гунгуна, предстает в виде змеи и черепахи, причем

змея является символом клана Гунгун, а черепаха – символом клана Цзю. Так были заложены основы для более поздних образов богов воды, таких как дракон, бык, обезьяна и речной мальчик Цзи Мэн – еще один бог воды из древнего Китая. В «Шанхайцзин–Чжунцзи бацзин» записано: «В 130 милях к востоку есть гора, на которой много зелени, а под ней много леса, там находится бог Кей Мэн» [8, с. 291]. Он изображается с головой дракона, телом человека и когтями птицы. Видно, что водные боги этого периода стали сочетать в себе человеческое и животное, изображаются как с человеческими лицами, так и с телами животных. Возможно, это связано с древним поклонением тотему-животному, но в построении такого образа бога есть намек на человеческое начало.

С развитием мифологии образы водных богов постепенно приобретают антропоморфное обличие, становятся все более персонифицированными; им давали имена, приписывали им конкретные места происхождения, даже искали их возлюбленных. Так, в некоторых древних текстах есть истории о Хебе и его любимой (ср. с образом речного бога Фэн И). В «Шанхайцзин – Хайнэй Бэйцзин» сообщается: «Глубина пропасти составляет триста футов, и только один водный дух по имени Бинг И живет там. Бинг И имеет человеческое лицо и ездит на двух драконах» [9, с. 206]. «Летопись Дуань Чэнши» пишет: «Хебе имеет человеческое лицо и ездит на двух драконах; одни говорят, что его зовут Бинг И, другие – что его зовут Фэн И, третьи – что у него человеческое лицо и тело рыбы» [10, с. 168]. «Цин лян чжуань» повествует: «Фэн И, уроженец Тишоу в поселке Хуайинь, стал богом воды после того, как съел священный предмет и был назван Хэбэ, или, по некоторым данным, он утонул в воде и стал богом воды» [11, с. 39]. В исторических записках «Ши цзи» есть рассказы о том, как люди использовали девушек для жертвоприношения, чтобы женить Хебе: «В то время ведьма нашла девушку из маленькой семьи и сказала, что она должна стать женой бога реки, поэтому принесла ее в жертву» [12, с. 980–982]. Таким образом, на этих примерах можно наглядно увидеть изменения сюжета в легенде о речном боге: он очеловечивался, люди создавали более детальное его описание, образ становился все более конкретным и светским.

Появилось большое количество героических «речных богов», а вместе с этим широкое распространение получили народные ритуалы, связанные с поклонением богам воды: фестиваль речных фонарей, Водный фестиваль народа дай, фестиваль Водного Дракона народа туцзя, фестиваль Драконьих лодок народа мяо и Тибетский фестиваль воды.

В мифологии бог воды реки Хуай по имени У Чжи Ци был побежден у подножия Черепашьего холма горы Хуайинь богом Гэн Чэнем, посланным Даюем, чтобы помешать контролировать наводнение реки Хуай. В книге «Тайпин гуанцзи» У Чжи Ци описывается как обезьяноподобный, с уменьшенным носом и высоким лбом, зеленым телом и белой головой, золотыми глазами и снежными зубами, шеей, вытянутой на сто футов, и силой, превышающей силу девяти слонов, он быстро сражался и бегал, легкий и стремительный, и его нельзя было долго увидеть. Это описание показывает, что У Чжи Ци не только имеет свирепое лицо, но и обладает огромной силой. Согласно легенде, он также был богом происхождения реки Хуай: изначально он был сыном жителей горы Тунбай и поначалу имел внешность обычного человека. Однажды, съев драконье яйцо, он почувствовал дым в горле, и жажда стала невыносимой, поэтому он выпил много воды и осушил множество горных источников

и рек. Один за другим пути, пройденные У Чжи Ци, превратились в реку, известную как река Хуай. Сам же У Чжи Ци также изменил свою форму, превратившись из человека в зверя, и стал богом воды реки Хуай.

Помимо Хэбо и У Чжи Ци существуют также женщины-боги воды, например Ми Фэй, которая утонула в реке Ло и стала водным божеством.

Две дочери императора Яо, которых звали Е Хуан (старшая) и Ниу Ин (младшая), были выданы замуж за императора Шуня и стали его женами-наложницами. Шунь умер в преклонном возрасте по дороге на юг, а его жены-наложницы утонули в реке Сянцзян в районе озера Дунтин от горя и физического истощения и стали богинями реки и озера.

Женской водной богиней является морская богиня Ма Цзу, известная как хранительница моря. Мифическая история о ее защите страны и народа широко распространена на юго-восточном побережье, где в честь богини и в благодарность за ее покровительство воздвигались храмы со статуями. Согласно легенде, Юнь Ди во времена династии Сун отправился во главе флота кораблей с миссией в Корё. Когда на море обрушился сильный шторм, семь кораблей были поглощены огромными волнами и только корабль Юнь Ди остался цел и невредим. Оказалось, что при приближении бури Юнь Ди поспешил попросить помощи у Ма Цзу, которая спустилась, чтобы унять бурю. Другая легенда гласит, что во времена династии Мин большой караван кораблей, перевозивший зерно, попал в тайфун, и тысячи зерен камнями взметнулись в небо и были разбросаны по морю. Корабль подбрасывало вверх и вниз на волнах, и мореходы оказались на краю гибели. Люди звали на помощь и взывали к Ма Цзу. В этот критический момент появилась богиня Ма Цзу – шторм утих, море успокоилось, и флот наконец благополучно достиг Тяньцзиня.

Второй день второго месяца по лунному календарю – пробуждение после зимней спячки – приходится на время цзиньцзин и является началом сезона земледелия и весеннего сева. В этот день проводится торжественная церемония поклонения богу Дракону или богу Земли с молитвами о хорошей погоде и обильном урожае в наступающем году. С этой традицией связано предание о том, что давным-давно в Гуаньчжуне (провинция Шэньси) была сильная засуха, дождей не было много лет. В небольшой горной деревне на плато Маэр, к востоку от горы Ли, в Линьтуне, жил молодой человек по имени Шуйшэн, который повсюду искал воду. Однажды в деревне, расположенной в ста милях, он услышал, как один старик сказал, что нефритовый император уже давно знает о засухе в Гуаньчжуне и приказал внуку царя драконов Восточного моря пойти и посеять дождь. Но когда этот юный дракон прибыл в Гуаньчжун, то бросился в реку, забыв о дожде. Шуйшэн спросил: «Как мы можем покорить его?». Старик ответил: «Мы должны достать драконово дерево». После долгих трудов Шуйшэн наконец нашел драконово дерево и подчинил себе молодого дракона. Дракон поднялся в воздух и выстрелил в небо, после чего набежали темные тучи, прогремел гром и пошел дождь. В память об этом второй день второго лунного месяца считается праздником Весеннего Дракона.

Поклонение богам воды имеет долгую историю и является одним из важнейших проявлений в народной китайской культуре. Культ водных богов развивался вместе с обществом от момента его возникновения, и поэтому его изучение имеет большое значение для понимания некоторых явлений, ритуалов поклонения водным богам в Китае, а также для изучения древней истории. Культ богов воды оказал большое влияние на

древнюю политику, экономику и культуру, он имеет как свои положительные стороны, так и некоторые отрицательные факторы. Идея уважения к миру и защиты природы в культуре поклонения богам воды имеет для нас определенное значение при создании современной концепции жизни человека в гармонии с природой и при построении нового экологического партнерства между людьми и миром природы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 乌丙安,《中国民间信仰》,上海人民出版社,1965年版(У Бинь Ань. Китайские народные верования / У Бинь Ань. – Шанхай: Шанхайское народное изд.-во, 1965.)
2. 刘安,《淮南子·览冥训》,北方文艺出版社, 2018 (Лю Ань. Хуайнаньцзы – Луаньминсюнь / Лю Ань. – Харбин: Северное литературно-художественное изд.-во, 2018.)
3. 《文渊阁四库全书·山海经·海内经》,台湾商务印书馆, 1982 (Вэнь Юань Гэ Си Ку Цюань Шу. Шанхайцзин – Хайнэй цзин. – Тайвань: Тайваньская коммерческая пресса, 1982.)
4. [选编]我国少数民族的洪水遗民神话. 访问模式: http://www.360doc.com/content/11/0619/16/5462332_128035628.shtml 访问时间: 2022.03.06 ([Избранное] Мифы о потопе этнических меньшинств Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/11/0619/16/5462332_128035628.shtml. – Дата доступа: 2022.03.06.)
5. 《文渊阁四库全书·山海经·海外东经》,台湾商务印书馆. 1982 (Вэнь Юань Гэ Си Ку Цюань Шу. Шанхайцзин – Хайвай дунцзин. – Тайвань: Тайваньская коммерческая пресса, 1982.)
6. 《文渊阁四库全书·神异经·西北荒经》,台湾商务印书馆. 1982 (Вэнь Юань Гэ Си Ку Цюань Шу. Шэньицзин – Сибэйхуанцзин. – Тайвань: Тайваньская коммерческая пресса, 1982.)
7. 左丘明著;陈戌国编撰.《左传》,长沙:岳麓出版社, 2006 (Летопись Цзо Цюмина; Сост. Чэнь Шоугуо. – Чанша: Изд.-во Юэлу, 2006.)
8. 冯国超译注,《山海经·中次八经》.商务印书馆, 2016 (Шаньхайцзин – Чжунци бацзин / пер. и аннот. Фэн Гочао. – Тайвань: Тайваньская коммерческая пресса, 2016.)
9. 《文渊阁四库全书·山海经·海内北经》.台湾商务印书馆 (Вэнь Юань Гэ Си Ку Цюань Шу. Шанхайцзин – Хайнэй Бэйцзин. – Тайвань: Тайваньская коммерческая пресса, 1982.)
10. 段成式著.曾雪梅校释.《酉阳杂俎校释》,济南:山东人民出版社, 2018 (Летопись Дуань Чэнши; Сост. Цэн Сюэмэй, аннот. Юян Зазу. – Цзинань: Шаньдунское народное издательство, 2018.)
11. 王先谦.《庄子集解》,成都古籍书店出版社, 1988 (Ван Сяньцянь. Собрание объяснений Чжуанцзы / Ван Сяньцянь. – Чэнду: Антикварный книжный магазин Чэнду, 1988.)
12. 司马迁,《史记》,湖南省青苹果数据中心制作, 1982 (Сыма Цянь. Записи великого историка / Сыма Цянь. – Хунань: Зеленое яблоко, 1982.)

Л. Д. Синькова

УДК 821.161.3

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ПАФОС ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ «БЕЛАВЕЖЫ»

В статье даётся общая характеристика развитию белорусской литературы в Польше во второй половине XX века. Рассматривается патриотический пафос в творчестве участников литературного объединения «Белавежа» (создано в 1958 г.). Анализируются основные идеи и художественные формы в творчестве представителей Белостокского региона современной Польши. Проводится сравнение между явлениями литературного процесса в Беларуси и Польше – на пограничье культур.

Ключевые слова: белорусская литература, Польша, Белосток, этнос, глобализм, «Белавежа», национально-культурное пограничье, патриотизм.

Образец цитирования: Синькова Л. Д. Пафос творчества писателей «Белавежы» / Л. Д. Синькова // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2022. № 1. С. 46–53.

L. Sinkova

Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republik of Belarus

PATHOS OF THE WRITERS OF “BELAVEZHA”

The article gives a general description of the development of Belarusian literature in Poland in the in the second half of the twentieth century. Patriotic pathos in the work of the members of the literary as-sociation “Belavezha” (established in 1958) is considered. The main ideas and artistic forms in the works of representatives of the Bialystok region of modern Poland are analyzed. A comparison is made be-tween the phenomena of the literary process in Belarus and Poland – on the borderland of cultures.

Keywords: Belarusian literature, Poland, Bialystok, ethnicity, globalism, Belavezha, national-cultural borderland, patriotism.

For citation: Sinkova, L. Pathos of the writers of “Belavezha”. Sophia. 2022;1:46–53. Russian.

Автор:

Людмила Дмитриевна Синькова – доктор филологических наук, профессор кафедры истории белорусской литературы БГУ.

ldsinkova06@mail.ru

Author:

Lyudmila Sinkova – doctor of philological sciences, professor of the department of history of Belarusian literature, BSU.

Ситуация белорусско-польского пограничья на Белосточчине действительно неординарная. Предки современных белорусов чувствовали себя хозяевами здесь, в регионе возле Беловежской пуши, еще с родоплеменных времен, и особенно – эпох Великого Княжества Литовского и I Речи Посполитой, о чем специально писали не только историки, но и филологи [9, с. 31–40]. Однако не единожды белорусы, оставаясь в своих владениях, были вынуждены изменять свое гражданство и государственную принадлежность. Не единожды завоеватели приходили на эти земли – и всегда с жесткими императивами. Тем не менее, даже после двух мировых войн, превращавших людей в изгоев, беженцев, белорусы не отрекались от своих нив и своей пуши, всегда и непременно возвращались сюда. Шли в родные места из далеких краев, из армейских рядов, из лагерей и ссылок. В XIX–XX вв. оказывались в государствах с властью либо прусской, российской, польской, либо белорусской и советской белорусской, либо немецкой. С 1945 г. – польской просоветской, а с 1989 г., после распада СССР, – польской. На сегодня (с 2004 г.), будучи частью Польской Республики, Белосточчина является также и частью Европейского Союза.

Как в таких условиях развивалась белорусская литература на Белосточчине?

Прежде всего, она отражала бытие. Она была прибежищем и отдыхом для души белоруса, правдивым зеркалом радостей и печалей неистребимой жизни, которая оставалась здесь самой собою во все времена. Все темы, которые интересуют человека рефлексирующего – с юных лет и до седины, присутствуют в творчестве беловежцев. При этом, казалось бы, из-за упомянутой локализации на сквознях большой истории ментальность белорусская могла бы и выветриться, мог бы и рассеяться специфический национально-культурный взгляд на мир, характерный для белостоцкого белоруса. Действительно, не сменилась ли категорически белорусская самоидентификация нашего жителя современной Польши новым мироощущением: «неопределенно-пограничным», «транзитным», о котором особенно активно писали постсоветские приверженцы теории постколониализма, пытаясь адаптировать эту теорию к реалиям СССР после его распада? Ведь бесспорно, что в мире происходит все более глубокое «размывание идентичности» человека. Развивая подобные тезисы, глобалисты ставят акцент на том, что разрушается прежде всего национальная идентичность. Далее утверждается, что интеллеktуал на пограничье живет в целом мире, а не в конкретной культуре или стране [10, с. 10], и основным сюжетом, даже метасюжетом современности все отчетливее становится нарратив встречи с другим, чуждость и ее снятие (или не-снятие) [10, с. 91].

Между тем ни одна теория (*Теория, мой друг, суха, / но зеленеет древо жизни* – Гете, «Фауст», пер. Б. Пастернака) не равна разнообразной жизни. Обобщая факты, любая теория неизбежно упрощает универсум; она выделяет лишь одну ипостась многогранной истины, помогая нам постигать прежде всего закономерное. Повторимся: теория никогда стопроцентно не совпадает с конкретной реальностью. И тем более – в такой сфере, как духовность, духовное. Стоит только согласно теории представить себя вне национального, наднациональным, чуть ли не гомункулусом из пробирки, как почувствуешь, что тем самым ты оскорбляешь родословную своих родителей, исключительно конкретных предков своих. А когда попытаешься почувствовать себя тотально неопределенным, «транзитным», промежуточно-пограничным, моментально попадешь в капкан, как минимум, невротизации и хронического когнитивного диссонанса,

потому что роль своего среди чужих, чужого среди своих, состояние неспособности сделать выбор в сторону определенности – эта роль и это самочувствование губительны для психики. «Человеком мира» хорошо ощущать себя только тогда, когда внутри себя также имеешь свой мир, свою определенную духовную опору.

Вообще же попытки совсем обесценить, объявить архаикой этническую составляющую и ее роль в жизни современного глобализованного общества (они особенно резко проявились на переходе из XX в XXI век) уже успели выявить свою безусловную узость. Этнические проблемы в современном мире не только не размылись, не исчезли, но обострились чрезвычайно. Апофеоз промежуточности, маргинальности, в том числе национальной, в реальной жизни продемонстрировал возможности быстрого перехода к деструктивности и провокационности. И напротив, уважение к национальным культурным традициям всегда будет предостерегать людей, целые народы, нации как от энтропии, так и от излишней агрессивности.

Литературовед Владимир Гниломедов, автор большой статьи «Літаратурнае жыццё на Беласточчыне» в академической «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя» в 4 томах, 6 книгах, изданной в Минске в 2003 г., смело утверждает: Польша – страна двух литератур: польской и белорусской. Другие нации в Польше не достигли такой значимости, очевидности для Европы, как польские белорусы [3, с. 721]. И современное социологическое литературоведение по Пьеру Бурдые, если бы оно взялось за изучение этого вопроса, имело бы возможность подтвердить вывод академика Гниломедова – на основании статистики по позиционированию беловежцев в польском литературном поле.

Так, к более чем полувековым (55-летнему и 60-летнему) юбилеям «Белавежи» профессор Галина Тваранович публиковала материалы с очень обстоятельными оценками созданного в белостоцком регионе [7], в том числе – с характеристикой достижений белорусов в цифрах; а в журнале «Тэрмапілы» за 2017 г. опубликован внушительный библиографический список от участников «Белавежи» из 265 позиций [8]. Причем в этом списке названы только значительные по объему разножанровые книги и сборники, а также солидные журналы, которые наиболее заметно курировал (судя по библиографическим описаниям), действующий председатель объединения «Белавежа», профессор Ян Чиквин. И здесь еще не учтена текущая публикационная активность! Она, активность, чрезвычайно важна, потому что литература – это не только авторы и издания, но и разветвленная коммуникация. Литература, и особенно белорусская, для нормального развития остро нуждается в живом общекультурном процессе – со своими целями и стратегиями. И такая среда с центром в белостоцком регионе создана. Впечатляет оформленность и статусность различных белорусских культурных институций, достойное самоутверждение белорусов в Польше. Как мог бы сказать П. Бурдые, очевиден солидный символический капитал: духовный, нетленный... Конечно, за этим стоит большой, напряженный и вдохновенный, творческий и организационный, индивидуальный и совместный труд – уже, как минимум, трёх поколений беловежцев: естественно, что литературно-художественное объединение «Белавежа» формировалось наряду с сообществами Белорусского общественно-культурного товарищества в Польше (БГКТ – Беларускае грамадска-культурнае таварыства) и печатного еженедельника «Ніва», издававшегося в Белостоке.

Трудностей на пути беловежцев было немало. После Второй мировой войны стечение исторических событий практически отбросило духовную жизнь белорусов

белостокского региона назад: с середины XX в. в его начало. Развитие литературы пришлось начинать едва ли не *ab ovo*: после Горецкого, Алехновича, Тарашкевича, Абдираловича, Гениуш, Арсеньевой, Жилки, Танка, Брыля – начинать в 1940-е годы снова с талантливых самородков. Обращают на себя внимание такие имена из альманаха «Белавежа» № 1 за 1965 г. (выделены Галиной Тваранович), как Антош из Лепеля, Владислав Двораковский, Владимир Павлючук, Сымон Романчук, Винцук Склубовский, Янка Телушецкий и др. Как будто бы беловежцам уготовано было вновь вернуться на круги своя – к реальности «кресов», «тутэйшасці», креолизации национального самосознания у местного жителя; вернуться к тем проблемам, которые (в первой трети прошлого века) уже были глубоко отрефлексированы нашими классиками, в том числе лидерами Западной Белоруссии.

Однако же со времен Франциска Скорины белорусская литература не единожды оказывалась в силках похожих исторических обстоятельств и каждый раз всенепременно возрождалась и продолжала свое развитие. Аналогичным образом развивалась и культура белорусов в послевоенной Польше. Здесь, за официальными границами БССР, в 1956 г. появилась, например, уже упомянутая белостокская газета «Ніва» во главе с Георгием Волковыцким. Аналогия – прежде всего с опытом и пафосом знаменитой виленской газеты «Наша ніва» (1906–1915 гг.) – возникает неизбежно. Заметны также связи беловежской литературы с пафосом советских лириков тех же 1960-х гг.

И все же традиционная белорусская стилистика – с любовью к родине (и привязанностью к определенным локусам), максимально искренняя, предметная, а еще – связанная с народной смеховой культурой, – такая стилистика в текстах «Нівы» доминировала. Именно в таком ключе начинали свой путь в литературу почти все беловежцы: от самых старших до резкого Сократа Яновича и пронизательной Миры Лукши, а также начинающих авторов самого молодого поколения.

Подчеркнем также, что начинать белостокской «Ніве» довелось отнюдь не во времена пассионарного подъема народов на окраинах Российской империи, которая стремительно распадалась (как это было со всебелорусской «Нашей нівой»), а в годы послевоенной хрущевской внешней политики. Каким образом дух того времени влиял на белорусское движение в Польше, остроумно рассказано в автобиографических книгах Г. Волковыцкого: «Віры. Нататкі рэдактара» («Омуты. Заметки редактора», 1991) и «Белая вязь» (1998).

Вернемся к мысли о том, что функционально белостокская «Ніва» выполнила ту же роль, что и ее предшественница: она объединила и сплотила литературные силы. Важно также подчеркнуть, что белостокская газета оказалась не архаичной, а современной, более смелой, чем печать БССР, в отображении, например, частной жизни личности, вплоть до вопросов интимного характера. Белостокская «Ніва» стала одним из самых успешных изданий в Польше, была популярной в Советской Белоруссии – на нее можно было подписаться, и отечественные литераторы были среди ее активных подписчиков; эта газета с интересом читается и сегодня. Назовем здесь имена ее активных создателей: это Г. Волковыцкий, Я. Жамойтин, В. Швед, С. Янович, В. Гайдук, М. Лукша и др.

Академическая «История белорусской литературы» в лице Владимира Гниломедова дает следующую оценку творческому багажу беловежцев: «Можно говорить о существовании двух белорусских литератур в одной: отечественной белорусской и польской белорусской» [3, с. 721]. Если так, то какая же она сегодня, «польская белорусская»?

Последнее наименование-определение, парадоксальное с точки зрения формальной логики, беру в кавычки как окказионализм: он будет понятен для того, кто смотрит на разные белорусские анклавы-регионы из метрополии... Следует также упомянуть здесь о том, что на исходе XX в. не только литературу Польши с белорусскими маркерами разных уровней, но и такую литературу всего белорусского зарубежья – близкого и далекого, причем как в пространстве, так и во времени, – активно пропагандировал известный «западник», уроженец Слонима, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси Олег Лойко [5].

Несомненно, белорусское слово, рожденное в государстве Польском, – открыто и внимательно к наследию всего культурного универсума. Но прежде всего, конечно, литература «Белавежи» произрастает из той традиции, которую представляют Янка Купала (*Ад прадзедаў спакон вякоў мне засталася спадчына...*) и Якуб Колас (*Вобразы мілыя роднага краю, смутак і радасць мая...*). В унисон с неизбежным ростом польских и западноевропейских влияний наиболее востребованными из белорусских культурных ценностей для беловежцев оказались художественные озарения Максима Богдановича – в освоении инокультурного опыта; лиризм Янки Брыля; эстетическая широта Максима Танка, чей верлибр не был укрощен даже социалистическим реализмом; смелая апелляция к истории Владимира Короткевича; авангардизм Алеся Рязанова. (Влияния польской литературы – это, безусловно, специальная тема, требующая отдельного исследования.) Можно сказать, что оптимальным ориентиром в эстетике для современных беловежцев стала известная аксиома: идти вперед – это значит расти на собственной почве, воспринимая все лучшее из того, что досягаемо извне. Не случайно, создавая отличные портреты многих выдающихся соотечественников, Ян Чиквин и Ян Барщевский (поэт Алесь Барский) с особым вниманием писали статьи о стиле и путях Купалы и Богдановича, Н. Арсеньевой и Я. Юхновца, М. Седнева и Л. Гениюш, П. Панченко и Максима Танка, А. Рязанова и Л. Дранько-Майсюка (Я. Чиквин [11; 12]), В. Жилки, Я. Германовича и В. Седуры-Глыбинного (А. Барщевский [1; 2]). В текстах же самих беловежцев профессор и поэт Ян Чиквин также подчеркивал собственно-белорусские отличительные черты (это была статья о поэзии Владимира Гайдука), выделил национальные «первоэлемены», определенные «интеллектуально-моральные коды», благодаря которым можно узнать произведение белоруса. Белорусское в литературе Польши, пишет профессор Чиквин, – это снисходительность к людям и симпатия в отношениях с ними, склонность к юмору, согласие с внешним миром, которое часто трансформируется в пассивное созерцание, затем заземленность, почти языческий культ природы, символом которой у славянских народов всегда была и есть женщина. Ей поются гимны и через нее – всей земле-природе («Ніва», 1977, 10 ліп.). И еще, уже на взгляд академика Гниломедова, белорусское там, где поэзией становятся наивность и бескорыстность [3, с. 723]. Безусловно, все это так. В белорусском менталитете, очень часто травмированном, не появилось, однако, злобливости и агрессивного неприятия всего небелорусского. Наоборот, развилась обостренная потребность в мире и спокойствии, гармонии со Вселенной, а также готовность понимать живое и сопереживать ему.

Но – в то же время белорусское и там, где, как писал Владимир Жилка, *блішча змагарскі пагляд* (сверкает взгляд борца, бойца). Белорусскость – это еще и всегда осознанный, именно мужественный выбор. Свидетельствовать об этом могли бы и белорусы Польши: не только старшие писатели Белосточкины – Янка Жамойтин,

Виктор Швед, Георгий Волковыцкий, но и такие их последователи на родной земле, как Алена Анишевская, Зося Сачко... Белорусская защита собственных идеалов всегда проявлялась как в литературе, так и в самой жизни. Она очевидна, например, в том, что представительные современные беловежцы не разуверились в себе. Свои художественные таланты по-белорусски ярко раскрыли Алесь Барский, Дмитрий Шатылович и Владимир Гайдук; Ян Чиквин, Янка Анисэрович (Яша Бурш) и Надея Артымович; Микола Гайдук, Василь Петручук и Сократ Янович; Юрка Гениуш, Михась Шахович и Юрий Баена; Мира Лукша, Женья Мартынюк и Виктор Стахвюк; Михась Андрасюк, Володя Савчук и Юрка Буйнюк; Юстына Королька, Лидия Малиновская, Катерина Сенкевич... Не берясь характеризовать все краски в палитрах творческих индивидуальностей беловежцев (о них немало написали Я. Чиквин, Я. Барщевский, В. Гниломедов, В. Конон, А. Макмиллин, Г. Тваранович, Г. Тычко, А. Макаревич, А. Петрушкевич, А. Бредихина, Т. Тарасова, А. Мельникова, Л. Олейник и др.), вернемся еще раз к одной, самой традиционной из них: именно художественная непосредственность специфического толка очень высоко оценивается исследователями из Республики Беларусь. Мы знаем, что о такой эстетике писал в свое время Максим Богданович, имея в виду хрестоматийные стихотворения раннего Якуба Коласа: живая вода глубокого искреннего чувства одушевляет предметно-описательные, на первый взгляд, картины, и превращает простое в высокое.

Коллеги-литературоведы выделяли подобные черты, например, в стихах Виктора Шведа, называя его поэтом с национальной миссией (вслед за Г. Волковыцким в «Ніве», 1990, № 25), потому что в поэтической речи Виктора Шведа все время возобновлялись именно феномены белорусского гармоничного мироощущения, традиционно-белорусской ментальности. Это нравится, отзывается в восприятии многих любителей словесного искусства. Видимо, такая одушевленная простота входит в особый резонанс со вкусами ряда читателей. Ее же, но более (или менее) модернизированную, находим также в стихах Владимира Гайдуга, Жени Мартынюк... Не будем забывать, что литература – еще и дело вкуса, который воспитывается как определенным временем и перипетиями истории, так и актуальной культурной средой.

Цензура социалистических времен по обе стороны белорусско-польской границы во второй половине XX в., безусловно, порождала гипертрофию определенных тем и определенной эстетики, склоняя к стилевому консерватизму. Но ничто не может взнуздывать творческую мысль художника. Белорусская литература непрестанно самоутверждалась, чутко реагируя на те новые возможности для внецензурного высказывания (и фактографического, и эстетического), которые перед нею открывались. И даже если заметить обозначенный консерватизм в максимальном внимании к «миролюбивой» традиции, то это вовсе не будет перечить вниманию и любви к авангарду либо поставангарду в белорусской литературе: с именами, например, Алеся Рязанова и Надежды Артымович. Белорусская традиция не перечит никакой любви. Но она сохраняет – консервативно! – человечность и пафос человека верующего. Об этом – поэзия А. Барского, Я. Чиквина, Н. Артымович, Г. Тваранович... Даже интертекстуальность, более пригодная для скепсиса, едва ли не у всех беловежцев чаще всего соединяется со стремлением к красоте и добру.

Каждый творец из «Белавежи» транслирует свой мир. Но их всех объединил на лирической волне философ Владимир Конон, который писал: Между европейским и славянским массивами затерялся в многоязычном море зеленый белорусский остров, точно

названный «Белавежей» [4, с. 4]. Здесь, считал исследователь нашей литературы и мифологии, сохранились те корни традиционной культуры, которые в европейском регионе перешли в фазу цивилизации [4, с. 3]. Но сильнейшая ностальгия по первородности, естественности осталась, и ее утоляет «зеленый остров»... На исходе XX века вместе с утверждением слова собственно-художественного начался настоящий бум исповедальной, автобиографической, документально-художественной литературы, как в Польше, так и в Беларуси. Особенно заметным он стал после прецедента присуждения Нобелевской премии Светлане Алексиевич за впечатляющее документально-художественное творчество. Автобиографическое письмо «из первых уст», между прочим, также свидетельствовало о неразрывной связи «зеленого острова» с «материком», о целостности белорусского бытия, нашей истории, хранимой в индивидуальной памяти ее активных участников и свидетелей. Весомое слово здесь было сказано беловежцами из поколения, рожденного в начале 1920-х гг. Это воспоминания Янки Жамойтина «З перажытага» («Из пережитого», 1996), Георгия Волковыцкого «У каменным крузе» («В каменном кругу», 2020), Алены Анишевской «Пакаленне вайны» («Поколение войны», 2003). Был издан и белостокский сборник мемуаров «Лёс аднаго пакалення» («Судьба одного поколения», 1996) с текстами К. Сидоровича, Ю. Прокоповича, Я. Жамойтина, В. Ярмалковича, под редакцией Е. Мироновича. Начиналась же общеполитическая мемуаристика еще с давних произведений Ф. Алехновича («У капцюрох ГПУ»), Я. Германовича (Винцука Адважнага, «Кітай – Сібір – Масква»), Л. Гениуш («Сповідзь»)... Наконец, связывая разорванные родословные, в Минске появилась новая серия книг с рассказами о судьбах белорусов на пограничье восточных и западных земель. Это «Беларуская мемуарная бібліятэка», представленная публике в 2011 г. О том, что белорусы все же, как писала Наталья Арсеньева, не растаяли, не разошлись туманом среди чужих (*не растаялі, не расплыліся імглою між чужых*), свидетельствуют такие издания этой серии, как «Успаміны пасла» («Воспоминания посла») Александра Стагановича, «Пакуль рука пяро трымае» («Пока рука держит перо») Зоськи Верас, «Мае ўспаміны» («Мои воспоминания») Марии Стаганович, «Партрэт стагоддзя» («Портрет столетия») Евгена Тихановича и др. (среди координаторов серии – известный историк литературы Наталья Гордиенко и др.) [6, с. 33].

Очевидно, подвижные государственные границы оказались не властными упразднить белорусский этнос. В современном информационном пространстве активно реализуется возможность с патриотическим пафосом, с любовью к родной земле поделиться пережитым, сравнить жизненный опыт белорусов из разных ее регионов, увидеть и свою, и мировую историю «белорусскими глазами», воплотить постигнутое в красках художественного слова. Именно в общем, целостном контексте выявляется онтологический пафос «Белавежи». Это, во-первых, достойная самореализация в творчестве, устремленном в широкое межкультурное пространство; и, во-вторых, осмысление «беловежского» вклада в созидательную деятельность своей нации, всех белорусов мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барскі, А. Выбраныя творы / А. Барскі. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 416 с. (Серія «Беларускі кнігазбор»)
2. Баршчэўскі, А. Лёсы беларусізацыі ў асвятленні эміграцыйнага даследчыка Ўладзімера Глыбіннага / А. Баршчэўскі // Acta Albarutenica. – 2011. – Т. 11. – С. 8–15.

3. *Гніламёдаў, У.* Літаратурнае жыццё на Беласточчыне / У. Гніламёдаў // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. / Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Т. 4. Кн. 2. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – С. 701–741.
4. *Конан, У.* Белая вежа літаратуры / У. Конан // Беларускія пісьменнікі Польшчы. Другая палова XX ст. / Уклад. Я. Чыквіна. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 3–10.
5. *Лойка, А.* Роўнакутны трохвугольнік, або Ад Палямона да Максіма Танка: дапамож. па спец-курсе «Беларуска-руска-польскія літаратурныя сувязі» / А. Лойка; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Філалагічны факультэт. – Мінск: [б. в.], 2003. – 214 с.
6. *Sińkowa, L.* Пафас творчасці «белавежцаў» у сітуацыі беларуска-польскага памежжа / L. Sińkowa // Białorutenistyka Białostocka. – 2018. – Т. 10. – С. 25–35.
7. *Тварановіч, Г.* «Белавежы» – 60 гадоў! / Г. Тварановіч // Тэрмапілы. – 2018. – № 22. – С. 328–338.
8. *Тварановіч, Г.* Беларускае літаратурнае аб’яднанне «Белавежа»: Бібліяграфія (1958–2016) / Г. Тварановіч // Тэрмапілы. – 2017. – № 21. – С. 275–295.
9. *Тварановіч, Г.* Беларускае літаратурнае аб’яднанне «Белавежа» ў Польшчы: дынаміка развіцця / Г. Тварановіч // Studia Wshodniosłowiańskie. – 2002. – Т. 2. – С. 31–40.
10. *Глостанова, М.* Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда / М. Глостанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 416 с.
11. *Чыквін, Я.* Далёкія і блізкія. Беларускія пісьменнікі замежжа / Я. Чыквін. – Białystok: Offset-Print, 1997. – 201 с.
12. *Чыквін, Я.* Па прызначэнні і абавязку: літаратурна-крытычныя артыкулы / Я. Чыквін. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. – 236 с.

Чжан Хуншань

УДК 398(=581)(091)

Кафедра китайской филологии, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

СТО ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Культура – это духовное и материальное богатство, созданное людьми в течение жизни. Фольклор – это низший уровень культуры, живая нематериальная культура, которая производится и сохраняется в народе. Географические различия также порождают различные народные культуры. Понимание развития китайского фольклора не только позволяет лучше понять китайскую культуру, но и улучшает обучение и обмен между учеными из Китая и Беларуси.

Ключевые слова: Китай, Беларусь, китайская культура, китайский фольклор, фольклористика.

Образец цитирования: Чжан, Хуншань. Сто лет изучения китайского фольклора / Чжан Хуншань // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 54–61.

Zhang Hongshan

Department of Chinese Philology, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ONE HUNDRED YEARS OF CHINESE FOLKLORE

Culture is the spiritual and material wealth created by people during their lives. Folklore is the lowest level of culture, the living intangible culture that is produced and preserved by the people. Geographic differences also produce different folk cultures. Understanding the development of Chinese folklore not only provides a better understanding of Chinese culture, but also improves learning and exchange between scholars from China and Belarus.

Keywords: China, Belarus, Chinese culture, Chinese folklore, folklore.

For citation: Zhang Hongshan. One Hundred Years of Chinese Folklore. *Sophia*. 2022;1:54–61. Russian.

Автор:

Чжан Хуншань – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры китайской филологии филологического факультета БГУ.
zhanghongshan1988@mail.ru

Author:

Zhang Hongshan – PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Chinese Philology of the Faculty of Philology, BSU.

Интерес к фольклору как одному из наиважнейших источников знаний о духовной культуре характерен для всех народов, поскольку в нем аккумулированы сведения о традиционных верованиях, приметах, обрядах и их значении в жизни человека. Народное творчество как выражение народного самосознания является основой для всей мировой культуры, из него черпают вдохновение писатели и художники, в нем находят подтверждение научных теорий исследователи литературы и искусства.

Фольклор как научная дисциплина представляет всеобщий интерес, а с антропологической точки зрения – это субдисциплина культурологии. Фольклор обладает характеристиками гуманитарной дисциплины. Это объясняется тем, что фольклор охватывает широкий круг вопросов культуры народа, всей его жизни, отраженной в произведениях фольклора.

Фольклор изучается в рамках широкого спектра дисциплин, включая этнографию, социологию, лингвистику, географию, историю, право, экономику, политологию и археологию.

Современный подход к изучению фольклора возник в XIX в., который стал для Европы веком науки. Так, например, изучение фольклора в Германии было неотделимо от широко распространенного в стране национального движения. Немецкие ученые охотно собирали фольклорные материалы. Они хотели зафиксировать и упорядочить культурное наследие немецкой нации, чтобы разрозненный немецкий народ мог быть связан этим общим культурным наследием.

В 1846 г. британский ученый Уильям Томас предложил термин *фольклор*, включенный в национальные энциклопедии и словари по общественным наукам и ставший основным понятием современной фольклористики.

По сравнению с развитием европейской фольклористики, китайское научное изучение фольклора немного отставало, несмотря на то, что истоки классического китайского фольклора уходят далеко в прошлое и с древних времен до наших дней в Китае сохранилось множество фольклорных произведений.

Среди памятников китайского народного творчества исключительную роль играет «Книга Песен», в которой отражена 500-летняя история китайского народа. Книга была создана приблизительно в начальный период Западной Чжоу (1027 г. до н. э. – 770 г. до н. э.) и включает в себя тексты, большинство из которых имеет огромную фольклорную ценность: 160 текстов «Од», 74 текста «Малых Од», 31 текст «Больших Од», 31 текст «Гимнов Чжоу», 4 текста «Гимнов Лу», 5 текстов «Гимнов Шан». Благодаря появлению «Книги Песен» среди представителей высших слоев китайского общества возник интерес к народному творчеству, собиранию, обработке и изучению фольклорных материалов. Но анализ фольклорных текстов сначала носил фрагментарный характер.

Общественный уклад, материальная культура, обычаи и традиции, формы церемониала нашли свое отражение в «Ритуалах Чжоу», одном из древнейших текстов раннего периода династии Цинь, известного как произведения Чжоу Гуна. Текст состоит из шести частей: «Небесный дворец», «Земной дворец», «Весенний дворец», «Летний дворец», «Осенний дворец» и «Зимний дворец». В тексте описывается структура и уклад императорского дома Чжоу [1, с. 13].

Оригинальными произведениями являются так называемые «каноны», в текстах которых присутствует богатый фольклорный материал. Согласно «Хронике династии

Хань», «Канон гор и вод» состоял из 13 текстов. Как утверждают китайские исследователи, до наших дней дошли всего 18 текстов «канонов». Среди них – 5 текстов «Пяти собраний книг канона гор и вод», 4 – «Заморского канона», 4 – «Канона дальних земель» и 1 – «Внутрикитайского канона». В этих текстах описаны различные традиции, обычаи и обряды. Например, тексты «Канона гор и вод» содержат легенды и мифы, в которых раскрывается древнее мышление китайцев, показаны их верования, ритуалы, различные табу и т. д. [2, с. 11–12].

«Ритуалы Чжоу» в дальнейшем также стали считаться одним из канонов. Китайский ученый Чжан Цзычжэн, анализируя данные тексты, подчеркивает, что в них не описываются народные ритуалы «от начала до конца, а устанавливаются правила, которые систематизируют их, регулируют на основе дальнейшего разделения обязанностей. Это приводит к соединению фольклора и церемониала, создаются особые отношения между обычаями и ритуалами, ритуалами и традициями» [3, с. 389].

Как и «Ритуалы Чжоу», канон «Записки о совершенном порядке вещей правления и обрядов», написанный в эпоху Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.), в который вошла большая часть материалов из ранней Цинь (221 г. до н. э. – 206 г. до н. э.), главным образом упорядочивал правила этикета, в нем затрагивались идеологические и политические аспекты, в том числе и отношения между этикетом, политикой и религией [4, с. 31]. Так, в тексте названного канона говорится: «Все жители по причине того, что в природе есть и тепло, и холод, и засуха, и влажность, должны по отношению к различным долинам и рекам применять различные системы. Народ задается вопросом: что же такое различные системы? Твердость и мягкость, тяжесть и легкость, промедление и скорость по-разному изменяются: пять вкусов различаются и сосуществуют в гармонии, предметы различаются и одежда тоже. Следуя за изменением веры, не нужно изменять обычаи, следуя за изменением политического строя, не следует изменять привычек и нравов» [4, с. 33].

Китайские исследователи отмечают также «Записи прекрасных снов в Восточной столице», автором которых является Мэй Юаньлао, в которых рассказывается о городе Кайфэне. Исследователь Чжан Цзычжэн утверждает, что в этом произведении «повествуется о столичном фольклоре, большую ценность представляют разделы “Фольклор”, “Искусство Цзинва”, “Женитьба”, “Воспитание сына” пятого свитка» [3, с. 388].

Китайские фольклористы акцентируют внимание и на канонах «Взвешивание суждений» (автор – Ван Чун) и «Проникновенный смысл нравов и обычаев» (автор – Ин Чао) периодов Восточной Хань (25 г. н. э. – 220 г. н. э.).

Пионером изучения фольклора в Китае был Цай Юаньпэй (1868–1940). 1 февраля 1918 г. «Объявление президента» Цай Юаньпэя и «Краткая глава о коллекции современных баллад Пекинского университета», подготовленная совместно Лю Фу и другими профессорами, были опубликованы в журнале Пекинского университета, что положило начало общенациональному призыву к написанию баллад. В 1918 г. Пекинский университет основал «Общество изучения песен», а в 1922 г. издавал «Еженедельник песен». В это же время было организовано «Общество по исследованию таможенных дел». Все это стало началом современной китайской фольклористики.

Позже изучение фольклора в Китае приобрело систематический характер, стали появляться первые научные статьи и книги. Но как специальная отрасль гуманитарной науки фольклористика зародилась после так называемого движения за новую культуру 4 мая. Представители китайских академических кругов стали проводить исследования

в области фольклора, фольклористические дисциплины стали изучаться в университетах страны. Так, серьезные мероприятия по сбору народных песен начали осуществляться в Пекинском университете в 1918 г. В 1920-е гг. появились еженедельники «Народные песни» (в Пекинском университете) и «Фольклор» (в университете имени Сунь Ятсена). В то же время в Китае существовали и другие периодические издания по фольклористике.

В 1921 г. Юй Чжи выдвинул собственную теорию, согласно которой определение «народный», когда речь идет о фольклоре, подразумевает существование целостной нации, во-первых, потому, что фольклор – это то, что создано целой нацией и распространено в этой нации, а во-вторых, – фольклор отражает общий менталитет и чувства нации [14, с. 85].

Во вступительной статье к еженедельнику «Народные песни» (Пекинский университет, 1922) говорится о том, что «народный» подразумевает «гражданский».

И в том, и в другом случае в центре произведений китайского фольклора находится представитель народа без классовых, территориальных и временных ограничений.

В 1918 г. профессора гуманитарных наук Пекинского университета Ху Ши, Чжоу Цзуорен и Лю Фу инициировали общенациональный конкурс «Народные песни» и опубликовали их в журнале Пекинского университета, что стало началом изучения фольклора в Китае. Краткое описание их коллекции четко определяло содержание «народных песен»: это должны быть песни, во-первых, относящиеся к истории человеческих чувств, обычаев, политики и религии места, общества или эпохи; во-вторых, имеющие глубокий смысл, подобные афоризмам; в-третьих, непристойные, но натурально интересные, такие как риторика призывников, стариков и женщин; в-четвертых, обладающие естественным очарованием, такие как детские стишки, а также пророчества, которые кажутся непонятными. Конкурс и коллекция «народных песен» вызвали широкий отклик, и результаты оказались замечательными. За короткое время было собрано от двух до трех тысяч рифм из 22 провинций, и почти 150 из них были опубликованы в журнале Пекинского университета. В 1920 г. была создана Ассоциация по изучению народных песен, директорами которой стали профессора Шэнь Цзяньши и Чжоу Цзуорен, а в 1922 г. был учрежден еженедельник «Народные песни», давший возможность централизованно публиковать результаты собирания и исследования.

Китайский ученый Гу Цзеган отождествляет термины «народная культура» и «фольклор». В своей статье «Совершенномудрая культура и народная культура», опубликованной в еженедельнике «Фольклор» (№ 1 за 1928 г.), он выделяет три направления: а) обычаи, б) религия, в) литература и искусство [6, с. 16].

Летом 1930 г. было создано Китайское фольклорное общество в Ханчжоу, которое издавало еженедельный журнал «Фольклор». В 1956 г. Пань Гуандань, У Вэньцао, Ян Чэнчжи и другие эксперты совместно сформулировали Двенадцатилетний перспективный план развития китайского фольклора, а в 1983 г. было создано Китайское фольклорное общество, после чего изучение китайского фольклора вступило в новый период активного развития.

В настоящее время фольклор становится горячей точкой исследования в современных китайских социальных и гуманитарных науках. Во-первых, этнографы опубликовали серию китайских этнографий, в которых они подробно описывают фольклор 56 различных этнических групп. Книга антрополога Ян Чэнчжи «Перевод и изучение

фольклора» (1988) и Чэнь Цисиня «Общая теория китайского фольклора» (1996) относятся к числу книг и учебников по фольклору.

На основе богатого материала, собранного в прошлом, сектор фольклора усилил исследования основных теорий фольклора и обычаев и опубликовал такие работы, как «Китайский фольклор и фольклор» (Zhang Zichen, 1985), «Китайский фольклор» (Wu Bing'an, 1985), «Введение в фольклор» (Tao Lieven, 1987), «История развития китайского фольклора» (Wang Wenbao, 1987) и «Введение в фольклор» (Zhong Jingwen, 1998) и другие базовые учебники по фольклористике.

Объект изучения современной китайской фольклористики достаточно широк. Так, профессор У Бинань в своей работе «Китайская фольклористика» выделяет 4 ее вида: экономическую, общественную, религиозную и эстрадную. Профессор Тао Лифань в «Обзоре фольклористики» делит фольклористику также на 4 группы: материальную, общественную, языковую и духовную. Профессор Чжан Цзычжэн в своей работе «Китайский фольклор и фольклористика» делит китайский фольклор на 10 видов: 1) магический; 2) религиозный; 3) бытовой (одежда, пища, жилье); 4) строительный; 5) системный; 6) производственный; 7) сезонный и праздничный; 8) ритуальный; 9) торговый и коммерческий; 10) эстрадный, литературный, культурный. Таким образом, подход китайских исследователей в области фольклористики объединяет собственно фольклористику, этнологию и краеведение.

Историю китайской фольклористики исследовал Чжан Цзычжэн в одноименной монографии («История китайской фольклористики», 1993). Работа посвящена процессу становления и развития китайской фольклористики, в ней излагается и упорядочивается история и теория фольклористики Китая, начиная с раннего периода династии Цинь и до настоящего времени (времени написания книги). В монографии освещается связь фольклористики с другими областями науки; приводятся записи, фольклорные обзоры, региональные, исторические и географические хроники, записи диалектов и т. д. Ученый показывает взгляды историков, литераторов и философов Китая на фольклористику, анализирует изучение фольклора от древности до наших дней, делает системные выводы по результатам исследований в данной области науки [3, с. 65].

Китайский ученый Гао Бинчжун в книге «Общая характеристика китайского фольклора» (2009) рассматривает зарождение китайской фольклористики и ее развитие от древности до сегодняшних дней, анализирует источники записей и изучения фольклорных произведений, начиная от «Книги Песен» периода правления династии Чжоу. Большой научный интерес представляет также его работа «Жизнь и культура в фольклористике» (1994) [4].

Интерес для специалистов имеют и следующие исследования: Ян Чэнчжи «Содержание фольклористики и классификация» (1942), «Обзор фольклористики» (под ред. Чжун Цзинвэня, 1998).

Перечислим в хронологическом порядке некоторые другие работы, посвященные изучению китайской фольклористики: Цзу Цзефан «Теория китайской народной песни» (1974); Чжун Цзинвэнь «Введение в народную литературу» (1980); Чжан Селянь «История китайских нравов» (1987); Шань Ман «Фольклор провинции Шаньдун» (1988); Вэн Син, Сю Майси «Фольклор провинции Шаньси» (1991); Чао Дитань «Китайские народные обряды» (1991); Чжан Цзычжэн «История китайской фольклористики» (1993); Гао Бинчжун «Жизнь и культура фольклористики» (1994); Бао Инчань, Ли Гочань «Фольклор Циндо» (1997); Сюй Чжэшун «Китайский народный

фольклор» (1998); Янь Лин «Китайские традиционные праздники» (2000); Чжэн Цзютинь, Лу Ланлун «Китайские фестивали и их происхождение» (2000); Чжун Цзинвэнь «Введение в фольклористику» (2000); Ван Янмин «Древние китайские традиционные праздники и обычаи» (2002); Мэн Хуэйин «История западного фольклора» (2006); Ли Таохэ «Фольклор и народная литература» (2008); Гао Бинчжун «Введение в китайскую фольклористику» (2009); Чжан Яньцзу «Учебник китайской фольклористической культуры» (2010); Ло Чу «Введение в фольклористику» (2010); Ван Цзюань «Введение в фольклористику» (2011); Кэ Чжэн «Китайская фольклорная культура» (2011); У Бинань «Китайская фольклористика» (2011); Ху Пан «Китайский общенациональный обычай по описанию местностей» (2011, 2012); Су Шаофан, Ло Сюсин «Народные обычаи Ханьцы» (2012); Ван Цзои, Ван Чжи, Хэ Енчунь «Китайский традиционный фольклорный этикет» (2014); Чун Фулан «Введение в китайскую фольклористику. Вып. 1: Рассуждение о культуре фольклора» (2015); Юй Бэнфа «Тысячи лет фольклорной культуры» (2016) [14, с. 86].

Как отмечают китайские исследователи, в настоящее время фольклорные записи, которые имеют также краеведческий характер, классифицируются по «тезисному принципу» (например, «Краткие записи обычаев провинции Чжэцзян», составленные Научным обществом фольклористики провинции Чжэцзян (1986); «Записи фольклора Иу» (под ред. Дай Цзинху)) и принципу «соположения» (представлен в труде Лю Чжаоюаня «Записи фольклора Хайчжоу»). Большое значение для изучения китайского фольклора имеет также аудиовизуальное издание издательства культуры и искусств провинции Ляонин «Записи фольклора деревни Хуншаньчу» (под ред. Тянь Чуань, 1999) [11, с. 65].

Китайские ученые Чжан Лиюй и Чэнь Лоюй в своей работе «Сравнительное исследование китайского и западного фольклора» подчеркивают, что «хотя фольклор соединяет людей с их прошлым, он является ключевой частью жизни в настоящем и лежит в основе мировой культуры» и что «слово “фольклор” содержит огромное и всеобъемлющее измерение культуры» [12, с. 1]. Исследователи утверждают, что народные обычаи обладают такими особенностями, как «поучительность, наследственность, расширяемость и изменяемость». Они отмечают, что фольклор – это не только народные песни и легенды, характерные для прежних времен, это еще и атрибуты, символы современной культуры. «Фольклор существует в городах, пригородах, деревнях, семьях, в рабочих группах и общечитиях. Фольклор всегда присутствует во многих видах неформального общения. Он включает в себя ценности, традиции, способы мышления и поведения... Это про искусство, это про людей, это о том, как люди учатся. Это помогает нам узнать, кто мы такие в окружающем мире» [12, с. 2]. Китайские фольклористы анализируют основные разновидности фольклора и предлагают свою классификацию. Они выделяют материальный, социальный, духовный и словесный фольклор. Материальный фольклор, как считают ученые, связан с такими видами деятельности, которые люди осуществляют в процессе создания и потребления материальных благ. Так, материальный фольклор имеет отношение к различным способам производства, торговому обмену, традициям медицины, национальной одежде и т. д. Социальный фольклор (его называют также социокультурным и институциональным) связан с коллективным поведением, которое передается людьми из поколения в поколение при ежедневном общении на уровне личности, семьи, сообщества, национальности и интернациональности. Традиции в основном состоят из

социально-структурного фольклора (родственные отношения, географические отношения, профессиональные отношения) и социально-организационного фольклора (обычаи и обряды жизни социума), а также фестивального и развлекательного фольклора. Ученые отмечают, что на основе материальной и организационной культуры формируется духовный фольклор, который, будучи ментальным опытом, полученным в процессе осознания и преобразования природы и общества, с учетом поведения, унаследованного от предков, становится однажды коллективной умственной привычкой [13, с. 34]. Духовный фольклор включает в себя народные верования, магию, этику и искусство. Словесный фольклор относится к системе обмена информацией, установленной через устное общение, и является коллективным наследием, состоящим из двух частей: народного языка и народной словесности. Язык и китайские диалекты ученые называют «культурными перевозчиками» из каждого региона и каждой страны. Словесный фольклор – это пословицы и поговорки, песни и загадки, рассказы и сказки и т. д. В своей работе китайские исследователи Чжан Лиюй и Чэнь Люй рассматривают также такие основные функции фольклора, как воспитательная, образовательная, нормативная, поддерживающая и облегчающая (сняющая напряжение общественной жизни). В книге авторы описывают исторические этапы формирования китайского фольклора, его значение для развития китайской литературы, кинематографа, мультипликации и т. д. [14, с. 87].

Китайская фольклористика – это живое развивающееся явление, которое в соответствии с традициями китайской культуры высоко оценивает историческое наследие, отмечает важность традиционной народной культуры для современности и осознает значение фольклора как одной из составляющих стабильного, здорового и правильного будущего [14, с. 86].

Существование фольклористики как дисциплины в Китае началось с движения за новую культуру 4 мая и стало его важным аспектом. Со временем постепенное распространение западного образования на Восток освободило интеллектуальные и культурные круги и нарушило двухтысячелетнюю историю Китая, сосредоточенную на мудрецах, тем самым предоставив возможность воспринять и пересмотреть прошлую историю и культуру Китая, а также придать значение народной культуре и культуре низших классов. С другой стороны, сильная национальная гордость и патриотические чувства китайских интеллектуалов неизбежно возмущались исследованиями, раскапыванием и изучением китайского фольклора, проводимыми иностранными фольклористами – намеренно или ненамеренно – в колониальных целях. И таким образом, китайский фольклор и фольклористика как дисциплина вышли на передний план, стали особенно актуальными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 钟敬文文集·民俗学卷/钟敬文著, 一合肥: 安徽教育出版社, 2002. 12 692 (Чжун Цзинвэнь. Фольклорный сборник. Т. 1 / Чжун Цзинвэнь. – Хэфэй: Аньхойское образовательное изд-во, 2002. – 919 с.)
2. 民俗学概论/钟敬文, – 上海: 上海文艺出版社, 1998重印 494 (Чжун Цзинвэнь. Обзор фольклористики / Чжун Цзинвэнь. – Шанхай: Шанхайское искусствоведческое изд-во, 1998. – 494 с.)
3. 中国民俗学史 张紫晨 吉林文史出版社出版 1993年 1月第1版 865 (Чжан Цзычжэн. История китайской фольклористики / Чжан Цзычжэн. – Чанчунь: Культурно-историческое изд-во Цилинь, 1993. – 865 с.)

4. 民俗文化与民俗生活 高丙中 北京：中国社会科学出版社, 1994.9 (2000.1重印) 239 (Гао Бинчжун. Жизнь и культура в фольклористике / Гао Бинчжун. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 1994. – 239 с.)
5. 尹雯主编:《礼仪文化概说》, 云南大学出版社, 2004年3月。(И Вэнь. Введение в культуру обрядов / И Вэнь. – Куньмин: Изд-во Юньнаньского ун-та, 2004. – 319 с.)
6. 民俗学概论/罗曲主编, 王进副主编·王进、马勇、乌尼乌且、王菊、何刚编著—北京：中国社会科学出版社, 2010.7 422 (Ло Цю. Введение в фольклористику / Ло Цю. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2010. – 422 с.)
7. 张建祥 中国民俗 (Чжан Цзяньсян. Китайский фольклор: элементарные познания / Чжан Цзяньсян. – Ланьчжоу, 2011. – 289 с.)
8. 陶立璠.民俗学概论 - 北京 中央民族学院出版社, 1987 (Тао Липань. Введение в фольклористику / Тао Лифань. – Пекин: Изд-во Центрального ин-та китайской народной мифологии и религии, 1987. – 494 с.)
9. 雪梨 中华民俗源流集成 甘肃人民出版社 1994 704 (Сюэ Ли. Полное собрание источников по китайским обрядам и обычаям / Сюэ Ли. – Ланьчжоу: Народное изд-во Ганьсу, 1994. – 704 с.)
10. 中国传统民俗礼仪/王作楫,王臻,贺艳春—北京：中国气象出版社, 2014 (Уань Дзуои. Китайский традиционный фольклорный этикет / Уань Дзуои, Уан Джы, Хэ Енчхуань. – Пекин: Китайское метеорологическое изд-во, 2014. – 233 с.)
11. 中国民俗文化/柯玲编著·—北京：北京大学出版社, 2011.8 286 (Кэ Чжэн. Китайская фольклорная культура / Кэ Чжэн. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2011. – 286 с.)
12. 中西民俗对比研究/张立玉, 陈珞瑜著。北京：中国社会科学出版社, 2016 3。(Чжан Лиюй. Сравнительное исследование китайского и западного фольклора / Чжан Лиюй, Чэнь Лоюй. – Пекин: Китайское общественно-научное изд-во, 2016. – 385 с.)
13. 中国民俗学通论·第1卷 民俗文化论 仲富兰 著 复旦大学出版社 2015.04 273 (Чун Фулань. Введение в китайскую фольклористику. Вып. 1. Рассуждение о народной культуре / Чун Фулань. – Шанхай: Изд-во ун-та Фудань, 2015. – 273 с.)
14. Казакова, И. В. Китайская фольклористика / И. В. Казакова // София: электронный научно-просветительский журнал. – 2017. – № 2. – Ч. 2. – С. 83–87.

С. Г. Долюк

УДК 502.131.1, 338.482.22

Кафедра этнологии, музеологии и истории искусств, исторический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРОПЫ И ЗЕЛЕННЫЕ МАРШРУТЫ КАК КОМПОНЕНТ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЕСУРСА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье представлены систематизированные данные, собранные в ходе полевого исследования в рамках научно-исследовательской работы «Информационные технологии как ресурс развития агротуристических дестинаций Минской области Республики Беларусь».

Ключевые слова: агроэкотуризм, экотропа, зеленый маршрут, туристическая дестинация, Минская область.

Образец цитирования: Долюк, С. Г. Экологические тропы и зеленые маршруты как компонент туристического ресурса Минской области Республики Беларусь / С. Г. Долюк // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 62–67.

S. G. Daliuk

Department of Ethnology, Museology and Art History, Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ECOLOGICAL TRAILS AND GREENWAYS AS A COMPONENT OF THE TOURIST RESOURCE OF THE MINSK REGION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents systematized data that were collected during a field research as part of the research work “Information technology as a resource for the development of agro-tourist destinations in the Minsk region of the Republic of Belarus”.

Keywords: agroecotourism, ecotourism, greenway, tourist destination, Minsk region.

For citation: Daliuk S. Ecological trails and greenways as a component of the tourist resource of the Minsk region of the Republic of Belarus. *Sophia*. 2022;1:62–67. Russian.

Автор:

Светлана Геннадьевна Долюк – аспирант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета БГУ.
sviatlanadoliuk@gmail.com

Author:

Sviatlana Daliuk – post-graduate Student of the Department of Ethnology, Museology and History of Art of the Faculty of History, BSU.

В связи со сложившейся ситуацией в условиях пандемии COVID-19 туризм оказался одной из самых пострадавших сфер мировой экономики. Смягчить этот удар во многом помогает внутренний туризм. Он обеспечивает столь необходимый импульс для поддержки многих туристических направлений и предприятий и будет оставаться ключевым фактором восстановления в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Эксперты видят потенциал агроэкотуризма и повышенный интерес путешественников к нематериальному культурному наследию страны. Летом 2020 г. туристический спрос на агроусады вырос почти вдвое по сравнению с 2019 г. [1]. Не имея возможности отдыха за рубежом, белорусские туристы переключились на достопримечательности своей страны, и путешествия по Беларуси получили новый стимул к развитию.

В разных странах используются различные термины, схожие по смыслу с термином экотуризм: природный туризм, мягкий туризм, зеленый туризм, ответственный туризм, агротуризм и т. д. В практике развития туристической отрасли во многих странах экотуризм и агротуризм – взаимодополняющие и взаимосвязанные понятия. Особенностью белорусского устойчивого туризма является уникальное сочетание сельского и экологического туризма, дополненное культурно-познавательным и военно-историческим туризмом. Такой уникальный белорусский продукт получил название агроэкотуризма.

Агроэкотуризм – это форма экотуризма, целью которой является создание синергии между природным туризмом и сельским хозяйством. Малые города являются системным компонентом сельской местности, а значит, их туристические ресурсы вместе с ресурсами сельской местности и природными ресурсами образуют единый туристический ресурс дестинации, который может быть использован при формировании эколого-туристических маршрутов.

В данной статье рассмотрены экологические тропы и зеленые маршруты как компонент туристического ресурса Минской области Республики Беларусь. Представленные в статье данные собраны в рамках научно-исследовательской работы (далее – НИР) «Информационные технологии как ресурс развития агротуристических дестинаций Минской области Республики Беларусь».

В ходе второго этапа НИР состоялось 10 командировок в Минский, Логойский, Вилейский, Воложинский, Молодечненский, Крупский, Столбцовский, Несвижский, Копыльский районы Минской области. В ходе командировок был проведен сбор материалов и информации, а также запись GPS-данных маршрутов и объектов на экологических тропах и зеленых маршрутах.

В ходе командировки в Минский район была проверена экологическая тропа «Святые криницы». В Логойском районе протестированы «Босоногая тропа» и «Тропа здоровья» республиканского горнолыжного центра (далее – РГЦ) «Силичи». В Несвижском районе проверена экологическая тропа «Волшебный мир Завитанского леса». В Столбцовском районе проверена экологическая велотропа «Родник Красный».

Во время командировки в Молодечненский район была проверена экологическая тропа, разработанная государственным лесохозяйственным учреждением «Молодечненский лесхоз» в д. Вередово. Тропа располагается на территории гостиничного комплекса «Дом охотника» в д. Вередово в 8 км от г. Молодечно. На территории комплекса имеется информационная табличка «Схема расположения экологической тропы». При тестировании маршрута было обнаружено, что проход по маршруту частично перекрыт

пристройками к вольеру для содержания пятнистых оленей. Из-за этого маршрут более не является кольцевым. Из 10 заявленных на схеме информационных точек обнаружены только 2. Маршрут не проходит по дорожке, из-за чего усложняется навигация. В ходе личного контакта с работником гостиничного комплекса «Дом охотника» было выявлено, что экологическая тропа не пользуется популярностью. Несколько раз в год на тропе проводят мероприятия для школьников. Основными посетителями тропы являются гости комплекса. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что экологическая тропа более не действует в полном объеме и не представляет интереса для посещения индивидуальными туристами.

Также был проверен участок межрегионального зеленого маршрута «Зялёнымі сцежкамі ад Іслачы да Віліі» (Плебань – Ракутевщина – Вередово – Молодечно). Участок (Раков – Борок – Городок) проверен в ходе командировки в Воложинский район. Последний участок маршрута полностью совпадает с участком маршрута «Блакiтная стужка Вілейшчыны». Зеленый маршрут «Зялёнымі сцежкамі ад Іслачы да Віліі» разработан отделом образования, спорта и туризма Молодечненского райисполкома в рамках программы ООН «Устойчивое развитие на местном уровне». Маршрут является межрегиональным и охватывает территорию трех районов Минской области – Воложинского, Молодечненского и Вилейского. В процессе тестирования не было обнаружено ни одного информационного стенда с указанием маршрута, навигация по маршруту отсутствовала. Таким образом, указателями на маршруте являлись обозначенные координаторами маршрута точки осмотра. Также были выявлены объекты осмотра, не входящие в перечень координаторов, которые были включены в предложенный автором велосипедный маршрут. Из указанных координаторами маршрута 22 точек осмотра исключены:

1. Экстрим-парк «Малпалэнд» – парк находится за чертой населенного пункта и на большой удаленности от проложенного маршрута. На карте маршрута в категории «проживание» обозначен загородный клуб «Фестивальный», в который входит экстрим-парк.
2. Экологическая тропа в д. Вередово, которая более не действует в полном объеме и не представляет интереса для посещения индивидуальными туристами.
3. Музейно-этнографический комплекс в д. Забродье, расположенный на слишком большом удалении от пролегающего маршрута; отсутствует возможность «закольцевать» этот участок.

На основе полученных данных автором был актуализирован и дополнен предложенный кураторами маршрут. Всего велосипедный маршрут предлагает 75 точек, включающих в себя историко-культурные ценности, архитектурные и природные памятники, музеи, местные достопримечательности и места отдыха. Количество историко-культурных ценностей, представленных на маршруте – 15. Протяженность маршрута составляет 126,72 км.

В процессе командировки в Вилейский район был проверен зеленый водный маршрут «Блакiтная стужка Вілейшчыны». На всем протяжении водного маршрута не было обнаружено ни одного информационного стенда с указанием маршрута, навигация по маршруту отсутствовала. Таким образом, указателями на маршруте являлись отмеченные в презентации маршрута точки осмотра. Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что предложенный координаторами вариант

маршрута возможен для прохождения только в организованной группе с использованием автотранспорта. В случае прохождения водного маршрута на лодках или байдарках (как заявлено) для осмотра доступны только 17 из 38 пунктов маршрута. Остальные пункты недоступны по причине большой удаленности от маршрута (более 5 км). Также были выявлены объекты осмотра, не входящие в перечень координаторов, которые были включены в разработанную исследователем карту. Всего на водном маршруте представлены 64 точки, включающие в себя историко-культурные ценности, архитектурные памятники, местные достопримечательности и места отдыха. Количество историко-культурных ценностей на маршруте – 4. Протяженность маршрута составляет 121,36 км.

В ходе нескольких командировок в Воложинский район были исследованы экологическая тропа «Белокорец», экологическая тропа «Возле д. Вишнево», экологическая тропа «Сябрыньский перекресток», инклюзивный маршрут «Bike4SDGs» в поддержку Целей устойчивого развития, туристический веломаршрут «Дорогами Налибокской пуши».

Экологическая тропа «Возле д. Вишнево» более не существует. После закрытия в 2012 г. в ботаническом памятнике природы местного значения «Парк Адрывонж» вольера для содержания пятнистых оленей была закрыта и экологическая тропа.

Инклюзивный маршрут «Bike 4 SDGs», посвященный Целям устойчивого развития, имеет три варианта прохождения: два велосипедных (протяженностью 21 км и 14 км) и один водный (8 км). Водный маршрут начинается в д. Яцково-Млыновые, проходит по р. Ислочи и заканчивается в д. Белокорец. Веломаршрут начинается в г. Першаи и заканчивается в д. Белокорец на берегу р. Исloch. Участок протяженностью 14 км проходит по грунтовым улучшенным дорогам. Такие дороги являются сложными, но доступными для прохождения на инвалидной коляске. Участок протяженностью 21 км проходит по лесным дорогам с большим количеством песка и ям. Таким образом данный участок маршрута не является инклюзивным. В начале и на протяжении всего маршрута присутствует навигация и информационные стенды.

Туристический веломаршрут «Дорогами Налибокской пуши» разработан заказником «Налибокский». Протяженность маршрута 38 км. Веломаршрут кольцевой и начинается с питомника по разведению птиц тетеревиных пород в районе деревни Сябрино-2. На маршруте есть и инфраструктура: беседки, оборудованные места стоянок. В начале маршрута имеется информационный стенд с картой маршрута. Навигация на маршруте отсутствует. Всего велосипедный маршрут предлагает 25 точек, включающих в себя 1 историко-культурную ценность, архитектурные и природные памятники, местные достопримечательности и места отдыха.

В течение командировки в Копыльский район была проверена экологическая тропа под названием «Тропа наших открытий» близ д. Лавы. На маршруте оборудованы 2 новые локации, которые еще не добавлены на информационный стенд в начале тропы. Следовательно, протяженность маршрута увеличилась до 2 км. На тропе расположено большое количество информационных стендов и табличек. Передвижение вдоль всего маршрута проходит по дорожкам из древесной щепы. На тропе оборудованы «тропа здоровья» и «тропа препятствий». Конечным пунктом экологической тропы являются землянки и траншеи времен Великой Отечественной войны – историческое место, где в 1942 г. находился госпиталь партизанской бригады имени К. Ворошилова. В 1942 г. здесь состоялся Лавский бой, вошедший в историю.

Также был проверен зеленый маршрут «Межречье Мажи и Морочи». На маршруте отсутствовали информационные стенды. Координаторами маршрута не были представлены материалы о маршруте. Таким образом, указателями на маршруте являлись обозначенные на презентации маршрута точки осмотра. От местных жителей была получена информация, что данный маршрут не обслуживается более 5 лет.

В Копыльском районе были выявлены многочисленные объекты осмотра, на основе которых автором начата разработка велосипедного маршрута. В маршрут будут включены историко-культурные ценности, архитектурные памятники, природные памятники, местные достопримечательности, места отдыха и экологическая тропа.

В ходе командировки в Крупский район была проверена экологическая тропа «Прошицкие болота» и туристический маршрут «Панская усадьба». Экологическая тропа «Прошицкие болота» разработанная государственным природоохранным учреждением «Заказник республиканского значения “Селява”» разрушена и недоступна для прохождения. В ходе исследования туристического маршрута «Панская усадьба» не было обнаружено ни одного информационного стенда с указанием маршрута, навигация по маршруту отсутствовала. Таким образом, указателями на маршруте являлись отмеченные на сайте заказника точки осмотра. Данные о туристическом маршруте «Панская усадьба» были актуализированы, выявленные объекты осмотра были включены в разработанную исследователем карту. Всего на маршруте представлены 10 точек, включающих в себя 1 историко-культурную ценность, архитектурный памятник, местные достопримечательности и места отдыха. Протяженность маршрута составила 23,87 км.

В ходе полевого исследования было обнаружено, что 3 из представленных в сети Интернет экологических троп более не действуют.

На основе собранных данных были разработаны карты экологических троп «Белокорец», «Тропа наших открытий», «Волшебный мир Завитанского леса», «Босоногая тропа» и «Тропа здоровья» РГЦ «Силичи», «Святые криницы», «Родник Красный», «Сябрыньский перекресток». Также были переработаны и дополнены зеленые маршруты «Блакiтная стужка Вiлейшчыны», «Зялёнымi сцежкамi ад Іслачы да Вiлiі», «Панская усадьба», туристический веломаршрут «Дорогами Налибокской пуши».

Концепции агроэкотуризма затрагивают не только экономический аспект, но и несут определенную социокультурную нагрузку. Развитие агроэкотуризма связывают с сохранением национального наследия, возрождением и пропагандой традиций. Примером этого является зеленый маршрут «Зялёнымi сцежкамi ад Іслачы да Вiлiі», который раскрывает богатейшую историю Копыльского района, сохранившиеся культурные традиции, например, колядный обряд «Цари», вошедший в Государственный список Республики Беларусь как историко-культурная ценность. В 2009 г. колядный обряд «Цари» включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО как объект, нуждающийся в срочной защите.

При наличии в регионе туристических ресурсов принципиально важным становится развитие средств размещения в сельской местности. Определяющим моментом при формировании эколого-туристического маршрута является наличие следующих объектов: свободных или условно свободных домовладений (усадеб, коттеджей, площадок на территории усадеб для размещения палаточных городков); специальных средств размещения туристов (дома охотника / рыбака, культурные центры, кемпинги и др.). Поэтому при тестировании маршрутов особое внимание уделялось фиксации

точек размещения. Так на зеленом водном маршруте «Блакiтная стужка Вiлейшчыны» представлено 20 точек в категории «проживание». На туристическом веломаршруте «Дорогами Налибокской пущи» отмечено 7 точек, на туристическом маршруте «Панская усадьба» – 4 точки.

Полевое и маркетинговое исследование подтвердило, что многие разработанные маршруты не курируются организаторами и передвижение по ним является затруднительным из-за отсутствия какой-либо навигации. На основе полученных данных были подготовлены и опубликованы с сети Интернет и в мобильном приложении BY Guide карты маршрутов с указанием всех объектов осмотра [2]. Опубликованные данные могут быть использованы для самостоятельного составления маршрута путешествия как белорусскими, так и иностранными туристами, а также как ресурс продвижения идеи активных и экологических путешествий среди молодежи. Благодаря собранным и опубликованным данным туристы смогут, используя свой персональный компьютер или телефон, получить необходимую информацию о маршруте, выбрать готовый или сформировать собственный тур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «Выручка упала на 95 %, но паники больше нет»: что происходит на рынке туризма в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://probusiness.io/markets/7656-vyruchka-upala-na-95-po-paniki-bolshe-net-cto-proiskhodit-na-rynke-turizma-v-belarusi.html>. – Дата доступа: 10.03.2022.
2. BY Guide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://by-guide.app/>. – Дата доступа: 10.03.2022.

А. И. Киселевич

УДК 001.895: 330.88

Кафедра международных экономических отношений, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

В статье проанализированы теоретические основы национальных инновационных систем, дана их характеристика. Автор раскрывает особенности национальных инновационных систем Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, модели инновационного процесса, национальная инновационная система.

Образец цитирования: Киселевич, А. И. К вопросу о национальных инновационных системах / А. И. Киселевич // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 68–73.

A. Kiselevich

Department of International Economic Relations, Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ON THE ISSUE OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS

The article analyzes the theoretical foundations of national innovation systems and gives their characteristics. The author reveals the features of the national innovation systems of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords: innovations, innovation process, innovation process models, national innovation system.

For citation: Kiselevich A. On the issue of national innovation systems. *Sophia*. 2022;1:68–73. Russian.

Автор:

Анастасия Игоревна Киселевич – магистр управления в социальных и экономических системах, преподаватель кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений БГУ.
ai.kiselevich@gmail.com

Author:

Anastasia Kiselevich – Master of Management in Social and Economic Systems, Lecturer at the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, BSU.

Инновационные системы любой страны проходят следующие этапы трансформации знаний: генерация, воспроизводство, распространение, коммерциализация и характеризуются институциональной спецификой национальной экономики.

Теории формирования национальной инновационной системы посвящено большое количество научных трудов, в основе которых работы К. Фримэна, Б.-А. Лундвалла и Р. Нельсона, Й. Шумпетера, Ф. Хайека, Д. Норта, М. Фридмана, Р. Солоу, П. Ромера и Р. Лукаса и др.

Так, представитель классической теории инноваций К. Фримен, определяя понятие «национальная инновационная система», акцентировал внимание на деятельности и взаимодействии в общественном и частном секторах сети институтов, в результате чего «создаются, импортируются, модифицируются и распространяются новые технологии» (цит. по: [1]). По мнению Р. Нельсона, «национальная инновационная система – это комплекс институтов, чьи взаимодействия детерминируют инновационную деятельность национальных фирм» (цит. по: [1]). Б.-А. Лундвилл, раскрывая понятие «система инноваций», включил в его состав элементы и отношения, «которые взаимодействуют в производстве, распространении и использовании нового и экономически полезного знания» (цит. по: [1]).

Национальные инновационные системы (далее – НИС) выполняют функцию распространения новых знаний и технологий, а основная их характеристика – это системность, взаимоопределяющая взаимодействие элементов инновационного процесса на основе институциональной модели экономики (Рисунок 1). На специфику модели НИС оказывают влияние силы и факторы прямого и косвенного воздействия. Создание новых знаний и, как следствие, инноваций, определяется системой образования, инновационной инфраструктурой, рынком продукции и услуг, рынком факторов производства в условиях макроэкономического окружения.

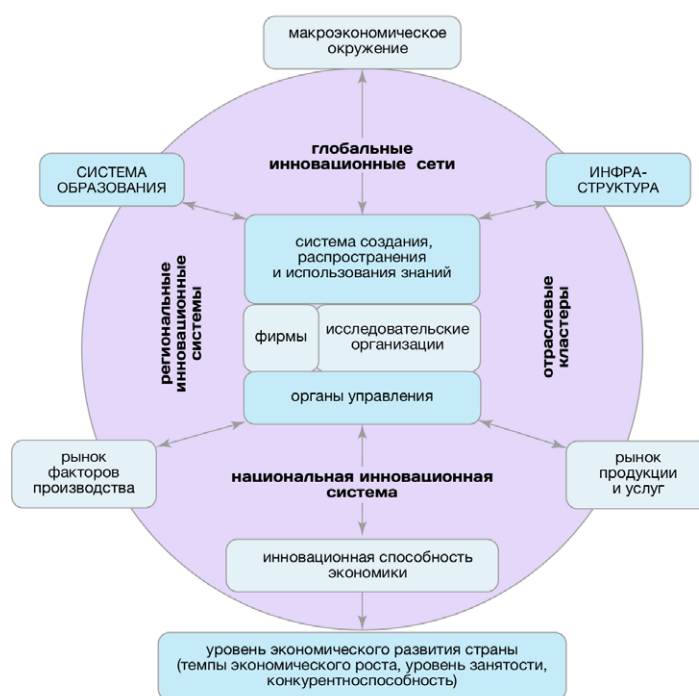

Рисунок 1. Общая модель НИС

В центре НИС – создание инноваций. Классический цикл инновационного процесса представлен на *Рисунке 2*.

Рисунок 2. Процесс создания инноваций

Следует заметить, что в итоге процесс создания инноваций в НИС определяет инновационную способность экономики к научно-техническим изменениям, уровень ее экономического развития и благосостояния граждан.

Исследования показали – инновационные системы разных стран имеют свою специфику, что обобщено и отражено в таких моделях, как евроатлантическая, восточноазиатская, альтернативная. Автором были систематизированы модели НИС, и результат представлен в таблице.

Отдельно следует остановиться на НИС Республики Беларусь, имеющей свои особенности, обусловленные национальной спецификой развития экономики, – последовательным, постепенным переходом к рыночной экономике с одновременным сохранением ведущей роли государства. НИС Беларуси как одной из стран постсоветского пространства прошла определенный путь становления и развития. На первом этапе (до 2010 г.) основной задачей национальной экономики являлась институциональная «достройка» экономики, что сочеталось с поддержкой традиционных и формированием новых элементов НИС, встраиванием в мировую инновационную систему. На втором этапе (до 2020 г.) происходила дальнейшая интеграция Республики Беларусь в глобальную мировую систему с акцентом на развитие био-, nano-, цифровых и др. технологий.

Исследуя НИС Республики Беларусь по представленным в таблице критериям, можно констатировать, что модель НИС Беларуси характеризуется полным циклом производства инноваций. Ядро модели – государство, научно-исследовательские институты, учреждения образования, инновационные предприятия (организации), субъекты инновационной инфраструктуры. Государство определяет условия инновационной деятельности, стимулирует технологическое развитие и коммерциализацию на основе проектно-целевого принципа.

Таблица. Модели национальной инновационной системы

<i>Характеристика</i>	<i>Ядро модели</i>	<i>Роль государства</i>	<i>Страны</i>
Евроатлантическая			
Полный инновационный цикл: фундаментальные исследования, научные исследования и разработки, опытные образцы, внедрение и производство	Университеты, исследовательские центры	Поддержка коммерциализации, финансирования инновационных проектов, государственно-частного партнерства	Развитые страны Европейского союза
Восточноазиатская			
Частичный инновационный цикл за счет снижения роли фундаментальных исследований, заимствование технологий	Исследовательские лаборатории при корпорациях	Определение условий инновационной деятельности; финансирование инноваций частным сектором экономики	Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань
Альтернативная			
Частичный инновационный цикл за счет снижения роли фундаментальных исследований, заимствование технологий	Университеты, технопарки	Определение условий инновационной деятельности; финансирование системы образования как главного источника новых знаний	Тайланд, Чили, Турция, Иордания
Модель «тройной спирали» (частный вариант НИС)			
Полный инновационный цикл, развитие предпринимательских, инновационных университетов	Государство, образование, бизнес	Определение условий инновационной деятельности; стимулирование технологического развития и коммерциализации; осуществление венчурного финансирования	Страны Евросоюза, скандинавские страны, США

Результатом эффективного развития белорусской модели НИС стало повышение ее рейтинга в Глобальном индексе инноваций с 88-й позиции в 2017 г. до 72-й в 2019 г. Однако исследования основных показателей результативности выполнения государственных программных документов развития НИС РБ выявили и ряд недостатков. К 2020 г. не выполнены следующие показатели (план 2020 г. / факт 2020 г.):

- удельный вес инновационно активных организаций, в процентах к общему количеству организаций – 25,0 / 19,5;
- удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, процент – 21,5 / 17,9;
- доля внебюджетных источников во внутренних затратах на научные исследования и разработки, процент – 60 / 55,5;
- внутренние затраты на исследования и разработки, в процентах к ВВП – 2,5 / 0,55 [4].

На *Рисунке 3* представлены внутренние затраты на научные исследования и разработки, а также коэффициент изобретательской активности в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2011–2020 гг. [3; 4].

Рисунок 3. Внутренние затраты на научные исследования и разработки и коэффициент изобретательской активности в Республике Беларусь и Российской Федерации, 2011–2020 гг.

На *Рисунке 4* представлено число организаций, выполнявших научные исследования и разработки в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2000–2020 гг. [3; 4].

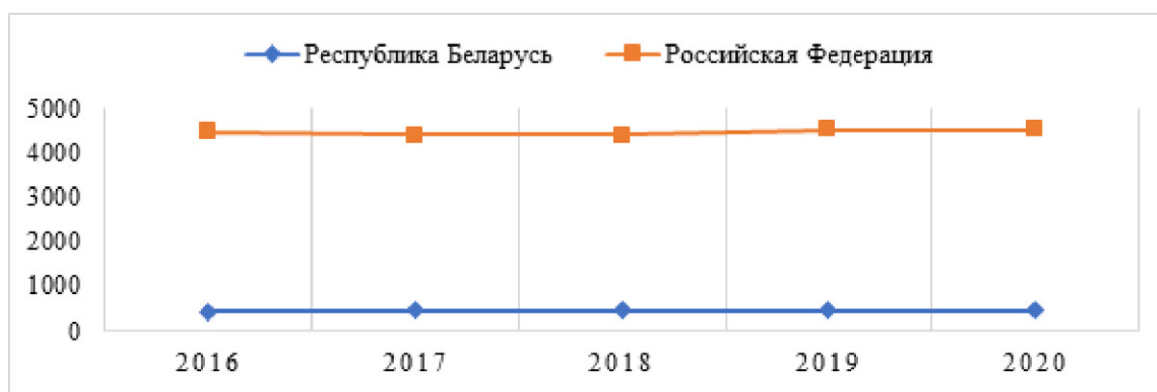

Рисунок 4. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки в Республике Беларусь и Российской Федерации в 2000–2020 годах, единиц

На *Рисунке 5* представлена численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Республике Беларусь в 2000–2020 гг. [4].

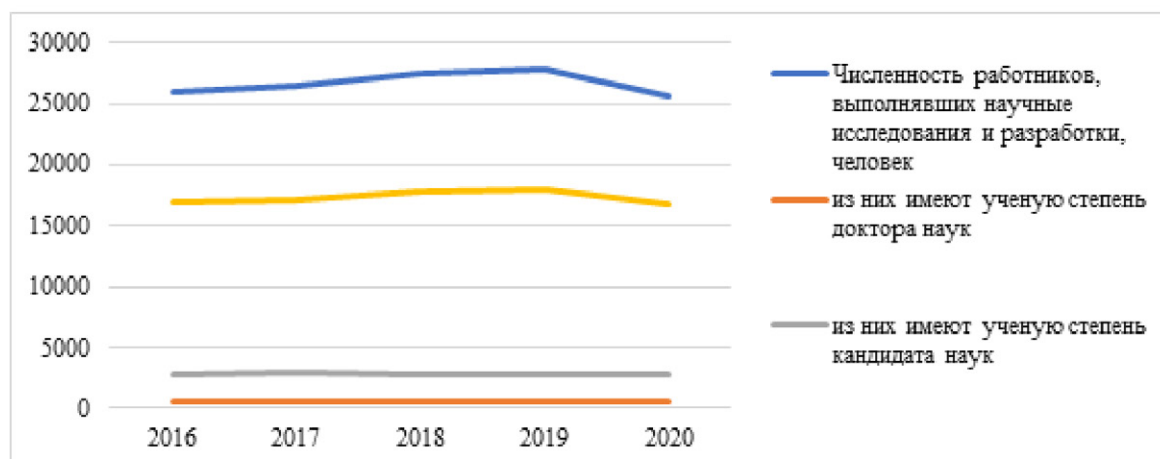

Рисунок 5. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в Республике Беларусь в 2000–2020 гг., по категориям

Представленные данные показывают снижение эффективности наукоемкости, изобретательской активности, уменьшение количества исследователей, в том числе имеющих степень кандидата или доктора наук. Это в свою очередь позволяет сделать вывод о существовании тенденции к замедлению инновационной активности НИС Беларуси и, как следствие, – необходимости разработки дополнительных мероприятий по совершенствованию модели НИС Республики Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давыденко, Е. В. Модели национальных инновационных систем: зарубежный опыт и адаптация для России [Электронный ресурс] / Е. В. Давыденко // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-natsionalnyh-innovatsionnyh-sistem-zarubezhnyy-opyt-i-adaptatsiya-dlya-rossii>. – Дата доступа: 24.12.2021.
2. Зверев, А. В. Формирование национальной инновационной системы: мировой опыт и российские перспективы [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра экономич. наук: 08.00.05 / А. В. Зверев; Акад. труда и соц. отношений. – М., 2009. – Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a840.php>. – Дата доступа: 24.12.2021.
3. Ратай, Т. В. Затраты на науку в России в 2020 году [Электронный ресурс] / Т. В. Ратай // Наука. Технологии. Инновации. – 2021. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/504081839.pdf>. – Дата доступа: 24.12.2021.
4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь (2015–2020) [Электронный ресурс]: стат. сб. / Нац. стат. комитет Республики Беларусь. – Минск: Нац. стат. ком. РБ, 2020. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17893/. – Дата доступа: 24.12.2021.

А. В. Шевель

УДК 338.48-52:796.6(450)

Кафедра физического воспитания и спорта, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВЕЛОТУРИЗМА В ИТАЛИИ

В статье анализируются современные условия формирования здорового образа жизни у населения Италии. Подчеркивается важность экологизации двигательной активности и развития велосипедного туризма в условиях пандемии COVID 19.

Ключевые слова: экологизация движения, здоровый образ жизни, велотуризм, Италия.

Образец цитирования: Шевель, А. В. Экологизация движения: современное развитие велотуризма в Италии / А. В. Шевель // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 1. – С. 74–78.

A. Shevel

Department of Physical Education and Sports, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ECOMOTION: THE CURRENT DEVELOPMENT OF CYCLING TOURISM IN ITALY

The article analyzes modern conditions for the formation of a healthy lifestyle for the population of Italy. The importance of ecomotion and cycling tourism in the context of the COVID 19 pandemic is emphasized.

Keywords: ecomotion, healthy lifestyle, cycling tourism, Italy.

For citation: Shevel, A. Ecomotion: the current development of in Italy. *Sophia*. 2022;1:74–78. Russian.

Автор:

Алексей Владимирович Шевель – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта БГУ.
shevel668@gmail.com

Author:

Aleksei Shevel – Senior Lecturer of the Department of Physical Education and Sports, BSU.

В настоящее время в связи с пандемией COVID 19 особую актуальность приобретает экологизация двигательной активности. К людям по всему миру пришло понимание того, что дальнейшее существование и развитие человечества возможно только при условии восстановления экологической чистоты среды обитания и гармоничного взаимодействия с ней. Так появилось понятие экологического мышления,

которое поставило перед человечеством цели в области устойчивого развития. Первой европейской страной, активно популяризирующей идею осознанного экологического движения, стала Италия, по которой проходит много маршрутов, предполагающих медленное передвижение пешком или на немоторизованных транспортных средствах: паломнические пути, конные и трекинговые тропы, веломаршруты и т. д. [1, с. 61–63].

Slow-концепция в туризме (иначе – медленный туризм) предполагает вдумчивое знакомство с природным и культурным наследием места пребывания, подразумевает принцип нулевого километра – покупку продуктов и изделий, изготовленных по аутентичным рецептам и технологиям местными фермерами и мастерами. Главный мотив путешественника – забыть о городском ритме, спокойно переживать и накапливать впечатления, двигаться медленно, познавать окружающую действительность осознанно и вдумчиво. В Италии это движение стало настолько популярным, что 2019 г. был объявлен Годом медленного туризма. В связи с этим были проанализированы ресурсы, безопасность маршрутов, наличие необходимой инфраструктуры, а также служб контроля за передвижением путешественников и медицинской помощи; появились заповеди медленных туристов: выбирай сельский туризм или экоотели, избегай слишком популярных мест, перемещайся на велосипеде, экомобиле, лошади, убирай за собой и правильно сортируй мусор, не пользуйся пластиковой посудой, изучай местную культуру, приобретай только местные продукты, не навреди местным животным и т. п. Особенности развития пешеходного туризма Италии рассматривались среди прочего в публикации автора 2020 г. [2].

Велосипедные маршруты и велотуризм – весьма популярный в Италии вид экологического туризма, так как он помогает поддерживать физическую форму, позволяет сохранять и познавать окружающую среду, не требует больших денежных расходов. Выбирая оптимальный для туриста маршрут, можно совместить несколько задач – получить положительные эмоции от познания нового и укрепить здоровье. На велосипеде можно совершать небольшие прогулки и сложные путешествия. Благодаря велотуризму можно исследовать новые дестинации, строить индивидуальный маршрут. Велотуризм предполагает получение максимального количества положительных впечатлений от комфортных условий езды. После прогулки по велосипедным дорожкам туристы имеют возможность остановиться в кемпингах или отелях и продолжить свой маршрут на следующий день. Каждый год всё больше и больше итальянцев выбирают велосипедные путешествия. Развитая инфраструктура велотуризма Италии способствует его популяризации среди жителей страны и зарубежных гостей (*Рисунок 1*).

Велотуризм практически исключает сезонность в условиях европейского климата, является весьма бюджетным и популярным среди всех возрастных категорий туристов способом передвижения. Согласно исследованию Итальянского союза окружающей среды, велосипедный туризм составляет 8,4 % от общего национального туристического продукта. В последние годы Италия потратила более 750 млн евро на создание национальной сети туристических велосипедных маршрутов. Значимым событием 2020 г. стала первая ярмарка велосипедного туризма, проведение которой было запланировано на 28–29 марта в BASE Milano, самом сердце миланского региона. Формат мероприятия включал выставочную площадку с пакетами предложений на любой вкус: для спортсменов, для семей с детьми, для любителей природы, исследователей достопримечательностей и др. [3].

районах. Они способствуют сокращению коротких поездок на автомобиле, например, к пляжам, зелёным зонам, месту работы, объектам торговли. Велосипедные маршруты Италии предполагают дальнейшее развитие и строительство велотрекков, которые будут отделять их от пешеходного и моторизованного движения. Это способствует уменьшению нагрузки на дорогу, повышению безопасности дорожного движения, уменьшению загрязнения окружающей среды.

Развитие велосипедных маршрутов через привлечение инвестиций развивает местную сферу обслуживания. Данный вид туризма создаёт дополнительную нагрузку на местную инфраструктуру: водоснабжение, электроснабжение, связь, службы безопасности, дороги, гостиницы, порты. Несомненно, при этом особое внимание местными властями уделяется вопросам защиты окружающей среды, поддержанию цен на услуги на приемлемом для туристов уровне и повышению профессионализма сотрудников сферы индустрии туризма.

Так, муниципалитет Милана предлагает туристам и жителям 140 км велодорожек. 80 % из них пролегает по дорогам, а остальная часть – по паркам и зелёным зонам. Муниципалитет города запустил общественный сервис «BikeMi», который позволяет брать велосипеды напрокат (*Рисунок 2*). На карте города показаны точки посадки и высадки. Цель сервиса состоит в том, чтобы сделать велосипед неотъемлемой частью системы городского общественного транспорта.

Рисунок 2. Общественный сервис Милана «BikeMi»

Таким образом, исследование примера Италии показывает, что экологическое мышление – это системное понимание ценности и взаимосвязи всех элементов экосистемы Земли, ощущение ответственности за возможные последствия своих действий для природы и жизни на планете. Базовым навыком современного человека должно стать понимание взаимосвязей всех элементов природного и культурного наследия,

восприятие своей деятельности в контексте всей экосистемы, поддержка эволюционных процессов. Забота об экологическом передвижении, снижающем экослед, стоит в ряду самых важных действий, которые может предпринять каждый турист в любом месте планеты уже сегодня. Велотуризм существенно снижает антропогенное воздействие на природу дестинации, поэтому его интенсивное развитие на современном этапе благоприятно сказывается и на общем состоянии окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Олюнина, И. В.* Виды туристической деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: пособие / И. В. Олюнина. – Минск: БГУ, 2021. – 105 с. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270982>. – Дата доступа: 12.12.2021.
2. *Шевель, А. В.* Роль оздоровительной ходьбы в формировании здорового образа жизни сотрудников Белорусского государственного университета (часть 3) [Электронный ресурс] / А. В. Шевель // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2020. – № 2. – С. 80–84. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/251549>. – Дата доступа: 12.12.2021.
3. Milano, Marzo 2020, arriva la Fiera del Cicloturismo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bikeitalia.it/2019/10/09/milano-marzo-2020-fiera-del-cicloturismo>. – Дата доступа: 12.12.2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Психология и высшее образование

О. Е. Гопиенко

Повышение уровня образования – важный фактор успешности общества 3

В. Н. Кухта, Г. А. Фофанова

Организационная справедливость и увлеченность работой сотрудников
социальных служб 9

Г. А. Фофанова, К. В. Лазаренок

Психологические аспекты прокрастинации студентов..... 14

Цай Хуэйцин

Социально-психологическая адаптация иностранных студентов:
обзор исследований..... 18

Искусствоведение и журналистика

А. Н. Вощинчук

«Женские истории»: интерпретация кровати в искусстве XX-XXI веков..... 24

В. А. Горбач

Дыяхранічны зрэз тыповых метанімічных пераносаў у медыямаўленні..... 29

Н. М. Шапран

Жаночае ўвасабленне айчыннай гуманітарыстыкі: па старонках часопіса
«Роднае слова» 35

Литература. Мифология. Фольклор

Лю Сюаньэр

Возникновение культа божеств воды и изменение образов водных божеств
в китайской мифологии 40

Л. Д. Синькова

Пафос творчества писателей литературного объединения «Белавежа» 46

Чжан Хуншань

Сто лет изучения китайского фольклора 54

Инновации. Экология. Туризм

С. Г. Долюк

Экологические тропы и зеленые маршруты как компонент туристического
ресурса Минской области Республики Беларусь..... 62

А. И. Киселевич

К вопросу о национальных инновационных системах..... 68

А. В. Шевель

Экологизация движения: современное развитие велотуризма в Италии..... 74